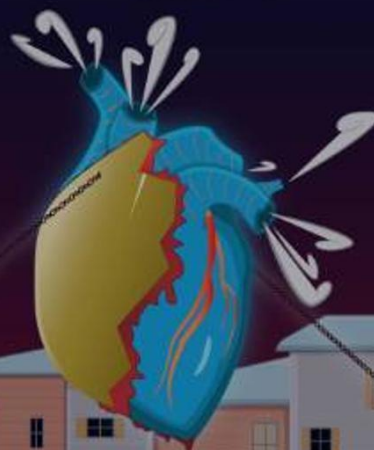

Глеющее Знамя

SunonBoy

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Хроники Закатных Вод

18+

Sunon Boy

**Хроники Закатных
вод: Тлеющее Знамя**

«Автор»

2026

Sunon Boy

Хроники Закатных вод: Тлеющее Знамя / Sunon Boy — «Автор», 2026

Война, террор и несправедливость стали привычной обстановкой в стране, внутри которой один простой историк решает положить тёмной эпохе конец. Встретив старушку, что готова поделиться подлинной историей легендарного синоросского адмирала, главный герой решает погрузиться в минувшую эпоху рвущегося к свободе пиратства в морях страсти и ненависти. Из этих запятнанных кровью и слезами страниц прошлого предстоит найти ответ, как выбраться из непроглядной тьмы гонений и репрессий настоящего.

© Sunon Boy, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Акт 1 "Ветра завоюют громче смеха"	5
Глава 1 "Наследие предателя"	5
Глава 2 "Наполненное солью море слёз"	8
Глава 3 "Смерть Ремингтона"	10
Акт 2 "Город любви и грохота пушек"	13
Глава 4 "Услуга за услугу, друг за друга"	13
Глава 5 "Покажи, на что способен"	26
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Sunon Boy

Хроники Закатных вод: Тлеющее Знамя

Акт 1 "Ветра завоюют громче смеха"

Глава 1 "Наследие предателя"

5 эра, 20 кольцо. Империя Хондруфер, Синорос.

Небольшой прибрежный домик, окутанный морским бризом и скоротечной безмятежностью, что со стуком в дверь сменится походом, полным тоски. То было жильём одной лишь старой аскарийки, что согласилась отправиться в одно местечко на пару со знакомым, который должен был вот-вот явиться. И когда в хлипкую дверь постучали ровно восемь раз, она собрала букет чёрных цветов, и взяла с собой особую книжку в кожаном переплёте и повидавшими солёные брызги морей пожелтевшие страницы. После чего, выйдя из дома и закрыв его на замок, взглянула на прибывшего серого пятнистого кота-зверолюда, молча кивнула и пожала шерстяную руку, но сам ниркут¹ оказался куда более сговорчив.

— Мисс, вы действительно готовы?

— Разумеется, идём.

¹ Ниркуты – раса кошачьих зверолодов, отличающаяся пятнистым окрасом шерсти.

По узким улочкам Синороса, где гулял сильный ветер, колышущий на руках аскарийки чёрные цветы, вместе, они направлялись к центру города, где когда-то стоял эшафот², а штаб-квартира адмиралтейства ещё не успела стать капищем рвущихся к власти вояк в оболочке из треснувших кирпичных стен и увядающих виноградников.

Оказавшись перед там, в глазах аскарийки он словно никуда и не делся, расплываясь в мираже воспоминаний. Женщина сжимала в руках книгу – то единственное наследие, что сумел оставить после себя легендарный адмирал, когда-то казнённый здесь. Именно на этот предмет положил свой глаз ниркут и хотел поскорее его изучить:

— В письме вы говорили, что расскажете всё. — заметив, что аскарийка уже несколько секунд с тоской и ненавистью сверлит взглядом сырой воздух, захотел поторопить ниркут.

— И не солгала. — улыбнулась она, после чего устремила взор на бывшее место эшафота. — Вы ведь здесь не чтобы в мир вписаться, а лишь сменить действительность. — сказала с улыбкой на дряблом лице.

— Я не понимаю. — нахмурил брови ниркут, после чего заметил, как аскарийка начала потирать пальцами книжку, а на лице мельком проявлялось выражение ни то грусти, ни то гордости. — Я не слышал подобной аскарийской поговорки.

² Эшафот – помост для совершения смертной казни или для приведения в исполнение публичных наказаний.

Аскарыйка не придала его словам особого внимания, и, не теряя улыбки, закрыла глаза и, медленно раскрывая книжку, дополнила:

— Вы ведь историк? Уверяю, вам понравится путешествие в прошлое – всего-то нужно зачитать записи из этого бортжурнала.

— Если вы позволите. — вежливо ответил он.

Так, кожаная книжка, являющаяся бортжурналом, оказалась в руке ниркута. Он достал из поясной сумки чехол с очками, и, аккуратно надев их, принялся читать. И первое, что попало на вооружённые линзами глаза, было имя хозяина в уголку первой страницы: "Уолтер. Реми. Тайгер.", где "-еми" намеренно было залито чернилами.

Глава 2 "Наполненное солью море слёз"

Записи в бортижурнале начинаются с детства Уолтера – что довольно странно, учитывая, что в эти книжки принято описывать только то, что будет полезно адмиралтейству. И самое примечательное здесь то, что описано детство крайне смутно: все даты лишь примерны, мысль в тексте сбивчива, да и самого текста очень мало, а чернила меняются из предложения в предложение – словно у автора был перерыв между записями в несколько дней:

"У меня были братья. Я знаю. У меня были братья. Мы жили в Нолстрее. Бартоломео, я помню тебя. Я помню, какие мне снились сны. Они снятся мне и сейчас. Я помню. Нолстрей был моей родиной. Я помню, какой дырой была эта страна: грязная берлога воров и убийц, нищета и разруха. И самое главное – пираты. Оттуда их вышло много. Слишком много. Бартоломео. Сколько раз я пытался отговорить его стать пиратом. И виноват во всём его глупый отец, что отправился разбойничать в море и подал плохой пример. Но я помог. Я строил вместе с ним ту проклятую трижды лодку. Я толкал её к берегу. Лучшие уж это воспоминание так и оставалось впотьмах моей повреждённой головы. Сейчас мне нужно лишь усердно работать, чтобы никогда более не позволить повториться таким историям в будущем. Пираты не должны существовать – и точка."

Бартоломео в последнее кольцо своей жизни

Далее запись резко обрывается ненужной нам описью груза торгового судна, коего приходилось сопровождать Уолтеру будучи уже капитаном на посту хондруферского флота. Ничего особенного, лишь рутина капитана: информация о маршруте, ресурсах, союзниках и врагах, повстречавшихся в пути. Куда интереснее то, что Тайгер писал после, скорее всего, когда вернулся домой:

"Мне часто снится один и тот же кошмар, где виселицы стоят вверх тормашками, а их петли вместе с нолстрейскими пиратами стремятся вверх, к небу. Их предсмертный хрип был громче раскатов грома и бил мне в уши с такой силой, что я рыдал от боли. Так продолжалось до тех пор, пока не изливал столько слёз, что подо мной появлялось целое море. Я держался на плаву легко, не боялся утонуть. Каждый раз к этому моменту мне приходит отчаянная мысль проснуться, словно сейчас умру, но оттого эта идея кажется из раза в раз глупой, необоснованной. И когда чувство отходит, я ощущаю тяжесть в ногах, опускаю голову, и вижу вас там, под водой. Почему? Почему вы меня не отпускаете? Почему я видел этот сон раньше, когда был юнцом? Барт, прошу, перестань утягивать меня на дно. Я не знаю, что делать. Не знаю совсем. Даже не знаю, кто я такой."

— Забегая немного вперёд. — оторвался от книги ниркут. — Я слышал о Белой Акуле Турнадау и недавней революции в Ламмере за предводительством его квартирмейстера. Мисс, в следующих страницах фигурирует имя того самого Робина или это просто совпадение?

— Ремингтон тоже хотел это узнать.

Глава 3 "Смерть Ремингтона"

Только здесь начинаются записи о том, как Уолтер стал капитаном во флоте Хондруфера. Видимо, Ремингтон с трудом находил время для рассказа о своей жизни, раз она потеряна в маршрутных описях. От 3 эры, 480 кольца, город Синорос в Империи Хондруфер.

"Проснувшись в тот день я ощутил, что словно только родился. Я ощущал тепло крови на зашитой щеке, мягкую постель и боль лежащей на ней спины. У меня не было ни имени, ни мыслей, ни памяти. Только незнакомка находилась со мной тогда. Она сидела передо мной, а когда раскрыл глаз, она потеряла дар речи. Затаила дыхание, а я только и делал, что таращился. Сил моих не хватало даже на то, чтобы встать с постели, спросить, кто она и где нахожусь. Я был очарован её красотой до той степени, что не двигался вовсе, пока через минуту не взял себя в руки, встал с постели и заговорил."

— Мисс? — вмиг в голову Реми хлынуло волной воспоминание, где тот раненый упал с борта корабля. — Как я? — взволнованно пробежав единственным уцелевшим глазом по комнате, Ремингтон сбился с мысли и не мог даже поверить, что воспоминания действительно принадлежат ему.

— Вам сейчас нужен отдых... — хотела назвать женщина его имя, но совсем его не знала. — Вас прибило к берегу, и вы ещё дышали. Благо, дышите и сейчас. И прошу, ни о чём не волнуйтесь, слуги позаботятся о вас. — после она улыбнулась и уже было собиралась оставить Реми. — Как же хорошо, что вы проснулись. — в голове у неё были мысли о том, как страшно было изо дня в день наблюдать биение сердца в человеке, что не раскрывал глаз всё это время, словно то был мертвец в живом теле. — Чуть не забыла! Прежде чем уйти, я бы хотела узнать, кто такой Робин — два дня назад вы пробормотали его имя.

"Тогда в мою голову словно мигом заползли с десяток обезумевших крыс и начали рвать всё вокруг. Все мои мысли сквозь боль пытались вернуть всё, что только знал о нём, пока не взорвались памятью о том дне, из-за которого оказался израненным и брошенным в море. Робин — мой второй брат, и вместе мы вступили во флот Хондруфера. Он сильный. Он должен был выжить! Только об этом я мог думать в тот миг."

Собрав все свои силы, Реми с трудом сделал первый шаг в сторону шкафа, но аскарийка быстро остановила его, схватив за плечи.

— Что же вы делаете? Куда вы так?! — встревоженно сказала она.

— Отойди! — повысил тон Реми, а на крик банально не хватило сил. — Сказано же, отойди! — оттолкнул он женщину рукой.

— Да кто такой этот Робин? И кто *вы* такой?! Я уже начинаю жалеть, что спасла вашу жизнь! — оскорбившись такому жесту, нахмурила брови аскарийка и разозлилась. — Вы не знаете, где очутились, — да и, верно, собственного имени не помните! — бросила саркастично в конце она, однако даже представить не могла, что это окажется правдой.

— Я... — остановился Реми, так как не помнил... что он Реми. — Я ведь... — крутилось имя на языке, но постоянно ускользало, позволив после прийти осознанию, что он почти ничего о себе не помнит. — Отвезите меня в штаб-квартиру адмиралтейства. Я должен найти Робина.

— Что ж, с этим вам повезло. — с лёгкой долей подозрения ответила она. — До него рукой подать, вы ведь в Синоросе. — и хоть название города никак не помогло Реми ободриться, так как он не смог его вспомнить, но после женщина обещала помочь добраться куда нужно, если раненый парень расскажет, что с ним вообще приключилось.

"Место, откуда мы двинулись, — было поместьем знатного рода Уотсон. Мне крупно повезло, что именно эта семья спасла меня. Ведь они, как оказалось, известны своим уважительным отношением к нолстрейцам и аскарийцам. Но минуты радости кончились, когда мы добрались до штаб-квартиры адмиралтейства. Благодаря Арабелле Уотсон (так звали спасшую меня женщину), мне позволили прочесть бортжурналы с военных судов, что патрулировали воды близ Синороса. Я был в том состоянии, которое никому и никогда не хочется показывать. Я даже не знаю, стоит ли писать об этом. Но когда я увидел в списке погибших Робина, весь мир словно сломался, и тогда задался вопросом: "Что мне теперь делать?" В голову вонзались один за другим воспоминания о детстве: как мы играли с Бартом, как строили лодку, как Робин защищал нас, как собирались вечером дома и пели песни. От страха и отчаяния я невольно сорвал со своей головы прядь волос и тихо заныл. Мой голос казался дуновением смерти, а слёзы не лились — лишь краснели глаза и отдавали болью. Тогда моё тело вспомнило о воде и пище, но сам я желал лишь сожрать собственный язык, чтобы никогда случайно не сказать, какую боль испытал в тот день. Я вспомнил того гнусного пирата и крик Робина, что хотел меня уберечь. Роб, почему ты не спасся сам? Почему я остался жив?"

— Робин был вашим другом? — обеспокоившись, положила ладонь на спину Арабелла. — Куда вы отправитесь теперь?

— Мерзкие пираты... — печаль сменилась на гнев, и Реми на миг потерял себя. — Им всегда мало... Мало было отнять Барта?! Мало?! — закричал Реми, после чего солдаты в поме-

щении встревожились и готовились было поднять ружья, но Арабелла их остановила протянутой ладонью.

— Послушай, если тебе так не нравятся пираты, я могу помочь тебе. — тогда взволнованное лицо Арабеллы стало уверенным и серьёзным, а какая-либо женственность пропала.

— И что теперь? — злость не спала с лица Реми, но крохотный луч надежды всё-таки сумел воссиять.

— Поклянись служить роду Уотсон, и я помогу тебе попасть на службу во флот. — Арабелла решила на серьёзный шаг. — Я вернусь за тобой. — шепнула себе под нос, словно это было адресовано и не Реми вовсе.

Следующая запись сделана на небольшом обрывке бумаги – видимо, Уолтер не хотел, чтобы адмиралтейство прознало о его содержимом, поэтому хранил его отдельно от боржурнала:

"Тогда я не понимал – а зачем? Зачем мне сражаться с пиратами? Что это изменит в моей жизни? Да и сама Арабелла Уотсон явно делала всё это не из добра ко мне. Но инстинкты твердили мне, что, выбравшись таким чудом из лап смерти, я обязан жить. Мне хотелось доверить свою жизнь благородной даме или мужу – в конце концов умереть за что-то большее, чем собственная шкура. Так что я согласился дать клятву верности роду Уотсонов. Ремингтон числился среди мертвецов, поэтому мне требовалось прежде всего новое имя, потому как выдай в тот день настоящее – тут же стался за решёткой дезертиром. И хоть зовут меня фальшивым именем, но в инициале Р, что значил "Рэли", на самом деле до сих пор хранится толика существовавшего когда-то человека – человека по имени Ремингтон."

— Я, Уолтер Р. Тайгер, клянусь служить роду Уотсон и его потомкам рукой и умом. Отныне моё сердце в ваших руках, мисс Уотсон, и если оно окажется неуютно, оборвите его биение. — максимально цинично он отдал выдуманную только что клятву, похоронив своё прошлое и создав новую жизнь.

— Прекрасно. — улыбнулась Арабелла. — Вам следует лучше подготовиться и отдать клятву главе семьи, а не мне. — этими шутливыми словами она сбила Уолтера с толку, ибо он пытался вобрать в эту речь какой только мог пафос и убедительность, а она оказалась, мягко говоря, недостаточно манерной. — Но сначала вам нужен отдых – "больному труд – что мудрецкому ореху плодоярка³!"

Ниркут перелистывал после этого одну страницу за другой, не сумев найти ничего интересного:

— Судя по следующим записям, так и произошло. Да и ничего особенно занимательного далее я найти не могу – одни только записи обычного капитана Хондруфера. Мисс, вы уверены, что история этой личности как-то нам поможет?

— Несомненно. Вы ведь ещё даже не добрались до записей, где описана его встреча с Призрачным Императором!

— Неужели Уолтер Р. Тайгер лично виделся с Катором Безумным?! — возбудился ниркут и тут же вернул интерес, едва услышав прозвище пропавшего без вести императора Хондруфера. — Именно из-за него началась эта ужасная эпоха! Из-за него мы вынуждены прятаться, словно крысы! — злостным шёпотом произнёс ниркут, дабы никто лишний не услышал его речей, после чего он виновато опустил уши и успокоился. — Простите мою бестактность, позвольте продолжить чтение.

³ В этой аскарийской поговорке труд больного сравнивается с гусеницами ореховой плодоярки – вредителями, что в одиночку способны сожрать до десяти молодых плодов мудрецкого ореха.

Акт 2 "Город любви и грохота пушек"

Глава 4 "Услуга за услугу, друг за друга"

Спустя несколько страниц ниркуту наконец удалось добраться до интересной части, и тот вслух зачитал мысли Уолтера, ставшего новым капитаном хондруферского флота. И датировались они 3 эрой 481 кольца:

"В поместье Уотсонов всё обстояло спокойно и мирно: отец руководил адмиралтейством и поддерживал золотом Арабеллу и её брата Стэнли. Оба они не выдавали почти ничего о себе и своих планах – смысла в том и не было: как-никак, я обычный вояка, что день за днём только и делает, что машет шпагой, да приказывает глоты поднять ближе к ветру. Но спустя год верной службы, мне доверили первое задание – Арабелла лично приказала мне купить нолстрейских мудрецких орехов и свежего тунца для отца. Удивительно, право, что это не поручили слугам, но я и не был против отвлечься от выстрелов и лязга мечей. Подумал, наконец, прогуляться по городу, узнать его поближе."

Услышав косвенное упоминание синоросского рынка, аскарийка прокомментировала ниркуту: "В моём детстве тогда не только тунец – вся рыба залива, жемчуга и чудесные платья фиолетового цвета можно было легко отыскать там. Вы наверняка видели, мой друг, как опустели теперь прилавки и как много торговых домов закрылись – и всё потому, что все деньги ушли на поддержание армии и флота."

Кинув печальный вздох и оторвавшись от красочных описаний пышущего различными товарами синоросского рынка, в чьём разнообразии и богатстве можно было заблудиться и ахнуть, взглянул ниркут на разорённые гражданской войной некогда прекрасные дома. Следы от выстрелов на стенах, заколоченные двери и окна, потресканные орнаменты и обломанные статуи – лицо потерянного народного духа и страха в лишний раз выйти на улицу.

— Не знаете ли вы безопасного укромного места? Боюсь, жандармы императора поймут нас, если останемся тут надолго. — спросил ниркут, аккуратно закрыв книжку, предварительно сунув палец, чтобы не потерять страницу.

— Разумеется. На юге города есть маленький паб на цокольном этаже библиотеки. Там ещё остался приют свободомыслящих – но не знаю, надолго ли. — медленно встав со скамьи, сказала аскарийка.

— "Плыви на юг, пока не вечер"⁴. — так у вас говорится? — попытался поднять настроение знакомой поговоркой ниркут.

— Пока не рассвело. — поправила его аскарийка с улыбкой на лице. — Но вы правы, идём.

В пути ниркут задумывался о том, как поход за тунцом Ремингтона мог привести к встрече с императором, посему тот с нетерпением двигался вслед за аскарийкой по практически пустым улицам. Так продолжалось до тех пор, пока они не добрались до библиотеки имени Олафа Шестирукого, где их встретили у входа детишки в грязных рубашках и дырявых козырьках – то были, на первый взгляд, обычные попрошайки. И ниркут уже было собирался дать им пару монет, но аскарийка остановила его и протянула скорлупу мудрецкого ореха мальчишкам, и те, раскрыв её и увидев содержимое, кивнули друг другу.

⁴ Эта аскарийская поговорка означает, что нужно своевременно пользоваться возможностью. Свои корни она берёт от принципа действия морского бриза, что ночью дует от суши к воде, а днём – наоборот – и на это мореплаватели ориентируются, чтобы вовремя отчалить и поймать нужный ветер.

— Можете проходить мисс, и вы, сэр! — звонким голосом сказал парниша, открыв дверь библиотеки.

— Идем же. — улыбнувшись мальчику, позвала аскарийка ниркута, и те вошли.

Внутри им открылся вид на просторное помещение с пустующими книжными полками, пережившими строгую политическую цензуру, обветшалые столы для чтения и всего паратройка доходяг, сумевших найти сегодня желание провести время за литературой. Рядышком располагался маленький кабинет с открытым окошком, откуда в библиотеку выглядывал сторож, попивая свежий чай. Он тут же узнал аскарийку и сказал: "Мисс, если вы доверяете вашему спутнику, то сами знаете, куда идти."

В это время ниркут всё слышал и осознавал, каким местом на самом деле является этот паб, и войдя туда через спрятанный под ковром люк, он убедился наверняка: на каменных стенах висели плакаты с двусмысленными изображениями, кричащими о ценности науки и шепчущими о свободе; небольшое сборище людей здесь носили похожую одежду, и аскарийка вливалась в их толпу, словно капля в море; все разговаривали друг с другом, используя странные слова, что не подходили по смыслу и не вписывались в контекст, но никто не обращал на это внимания; полные книжные полки, где сумела сохраниться литература о полной истории Хондруфера. Ниркуту вся эта обстановка была до боли знакома, и тот всё понял безо всяких объяснений: плакаты таят настоящие мотивы, находящиеся здесь люди и зверюды являются членами единого сообщества, а их речь полна шифров – это место ничто иное, как убежище синоросских революционеров.

— Мисс, не могли бы вы рассказать, что было внутри скорлупы мудрецкого ореха? — заинтересовался ниркут, ибо только этой крошечной детали пазла не хватало в картине, раскинувшейся перед его глазами.

— Всего-лишь чёрная смола и выцарапанный на ней номер – здесь это наше имя и ключ в такой маленький уголок свободы. — описывая ниркуту рукой простор комнаты, сказала она. — Мы подглядели такой метод у рыцарей круглого стола! — с улыбкой добавила, посчитав эту деталь забавной. — Давайте сядем за стол и продолжим – тут нам ничего не грозит.

"Перед выходом из поместья Уотсонов столько на меня бросали проклятий служанки. Оно и не удивительно: уже целое кольцо я жил под их крышей, ел их еду и пил их воду, не удосужившись даже узнать имён хоть одной слуги. По правде говоря, у меня банально не хватало времени и желания делаться приятелем для тех, кто может сегодня или завтра меня потерять навсегда: жизнь капитана полна опасностей, да и самому мне жить не слишком-то нравилось. Поэтому я просто бросался в бой без оглядки, получал десятки шрамов и волновался лишь о том, сколько пиратов отправил в мир иной. Но сегодня, когда Арабелла отдала приказ, мне почему-то хотелось, чтобы её речь была как можно длиннее. Кажется, сегодня я просто рад сделать ей доброе дело – давно не ощущал таких славных чувств.

И оказавшись в оживлённом рынке, где тут и там на меня таращились, как на чудовище, единственным глазом я искал для Арабеллы подарок, но даже толком не знал, что ей нравится. Сказать по правде – я и никогда не общался тесно с девушками. Каждый пройденный цветочный ларёк и магазин украшений для меня казался волнительным праздником, где я не понимаю абсолютно ничего, поэтому таких мест в пути становилось всё больше и больше, пока кое-что не зацепило глаз."

Уолтер добрался до ларька со свежей и аппетитной рыбой, но в ящиках, полных окуней, тунца и трески, среди чешуи Тайгер заметил странное свечение. Подойдя поближе, тот разглядел своеобразное морское сокровище, представляющее собой прекрасные золотые серьги с крупным аквамарином. И, спросив продавца о них, Уолтер наполнился энергией и не мог сдерживать улыбки, сильно желая купить их Арабелле, отчего заплатил деньгами из собственного жалования – и его нисколько не волновало, что изысканные украшения соседствуют с вонючей рыбой.

— Парень, лучше проваливай. — со скрываемым страхом ответил торговец.

— Что я сказал не так? Ты же сам выставил товар, так почему отказываешься продавать? — недоумевал Уолтер, указывая пальцем на серьги.

— Да я сам не знаю, откуда она тут взялась! — отводил продавец взгляд от страшного лица Уолтера. — Если бы ты не сказал, я б и не заметил её!

— Что за бред ты несёшь? И всё в порядке у меня с лицом! — остановился Уолтер, так как всё никак не мог привыкнуть, что половина лица теперь выглядит как поле боя. — С половиной уж точно. — неловко добавил он. — Просто скажи, сколько ты хочешь за них, и я уйду.

Тут торговец подумал, что деньги лишними не бывают, посему просто назвал кругленькую сумму, от которой зубы Уолтера сжались, а рука, нехотя, но смогла передать эти деньги.

— Можешь брать — своими руками я это трогать не буду, а то вдруг накликаю беду. — сказал продавец, улыбаясь мешку с золотом, а мнимость показала Реми знакомой и тёплой.

— Спасибо. Вы мне напомнили одного старого друга... — не решился договорить Уолтер. — Дайте ещё того тунца — только отрежьте голову.

— А это ещё зачем?

— Чтобы день вышел счастливым — примета такая. — с улыбкой ответил Уолтер, глядя куда-то вдаль, так далеко, что заглянул в счастливое прошлое.

И не успел торговец отдать рыбу, как Уолтер дотянулся до серёжек, и пальцы прошли сквозь них. "Что за дела?" — подумал он в ту же секунду, после чего украшение стало светиться всё ярче и ярче, пока не взорвалась мощной вспышкой и ослепило аскарийца. Уолтер начал сыпать проклятиями, пока единственный глаз оправлялся от световой атаки: всё вокруг утратило форму, с трудом пытаясь объединиться в единую картину. Так длилось всего три секунды, но их хватило, чтобы Уолтер разозлился и расслышал в толпе, как кто-то убегает и смеётся. Тотчас аскариец выхватил мешок с золотом у торговца и побежал в сторону поганца, что затеял эту шутку с ним.

— Стоять, гад! — крикнул Тайгер со злобным выражением лица и пронёсся сквозь толпу, как нож в масло, так как люди расступались и пытались держаться подальше от гневного аскарийца, а изумлённый всей ситуацией торговец кинул парню в спину жалобно.

— А... а деньги? — ему не повезло сорвать куш на несуществующем товаре из световой иллюзии — теперь на руках только голова тунца!

Тут же началась погоня за смеющимся человеком в серой мантии — этот гад подразнил Уолтера хорошим украшением и ослепил его! Во время бега вид улицы менялся так быстро, что Тайгер не успевал заметить, как оказывался в совершенно неожиданных местах: то перед ним проедет карета по центральной дороге, то его занесёт в узкие улочки. Так довольно резвый мерзавец заставил Уолтера совершить круг и вернуться на рынок, где и каким-то образом исчез. Казалось, что след потерян, но наш капитан был человеком крайне ловким и внимательным, посему во время погони успел поднять небольшой осколок стекла, что выронил негодяй.

"Не понимаю, как, но я видел на том осколке небольшие летящие в разные стороны искорки. Они то загорались, то гасли. Зрелище было странным, и мне казалось, что это какое-то проклятие, пока не увидел, как в месте, куда побежал человек, те же огни мерцали даже когда тот забегал за стены. Тогда мне стало немного легче. Я ощущал, что город передо мной раскрыт, широк и могуч, и я способен внутри него разгуляться, отыскать негодяя — он не улизнёт, пока чувствую весь простор, словно парящая в небе чайка. В тот же момент вдыхаемый мной воздух внезапно стал таким быстрым, что такая простая вещь, как дыхание, стала вкуснейшим обедом. Будто сам воздух жёлал наполнить мои лёгкие силой. Никогда прежде мне не было так приятно просто дышать, и жаль, что это чувство продлилось недолго, а искры перед глазами быстро растворились. Но я запомнил, куда они вели, и просто пошёл в их направлении."

Так и получилось. Уолтер Р. спокойно направился по следу, проходя мимо магазинов, сквозь арки и через сады за едва видимыми разноцветными искрами, что никто кроме аскаррийца и не видел: "У вас тоже перед глазами здесь огоньки летают?" — спрашивал Уолтер прохожих, что потом на него косились или советовали меньше пить.

"В такие моменты я виню себя за то, что ношу простую одежду и не стараюсь казаться лучше, чем есть. Сколько же меня ругали за это слуги, мол, я должен одним своим видом показывать честь и славу рода Уотсон. Даже до сих пор не привык носить роскошные одежды, а ведь с ними меня бы не принимали тогда за пьянчугу."

Уолтер шёл и тихо насвистывал мелодию засевшей в голове песни, пока в один момент не осознал, что прямо сейчас он довольствуется прогулкой по Синоросу:

"Кругом были счастливые лица, апельсиновые деревья, пальмы и яркие краски города. В такие моменты жалею, что не умею красиво и убедительно говорить так же, как это делал Роб. Мне бы так хотелось словом описать красоты, на которые обращал внимание, когда пришло спокойствие. Тогда я подумал, что было бы славно пройтись по всем этим местам с Арабеллой, но она-то уж точно их все видела сотни раз. Может быть, я бы и серьгами с синим камнем не смог бы её удивить."

Все эти мысли прервались, когда Уолтер, зайдя в небольшой безлюдный, но очень красивый и пышный цветами на простых и приятных на вид арках заворот, увидел светловолосого человека в чёрном кителе. Он нервно разглядывал место, пытаясь что-то найти. Тут-то Уолтер заметил, что последние следы ведут к нему, посему, медленно подходя, начал цинично:

— Заблудился, бедолага? Я тебе покажу дорогу кое-куда.

— А? Что? — обернулся парень, сказав изумлённым голосом. — Здравствуйте, сэр. Буду рад вашей помощи, но ничего взамен дать, увы, не смогу.

"Этот человек был полной моей противоположностью, так как если бы он предпочитал одеваться просто, я бы хорошенько ему двинул в челюсть. Но нашивка на одежде в виде белого орла и восьмёрки жребиев дали мне понять, что этот парень ни в чём не виноват."

— Кхм. — удивился сильно Уолтер, и ком застрял в горле. — Я хотел сказать: "чем могу помочь, Сэр?" — попытался уклониться он неудачно.

— Фактически это вы и сказали... — поднял парень бровь. — Впрочем, неважно. — от этих речей Уолтер как стыдился своей глупости, так и удивлялся хорошим манерам такого на вид молодого человека: как по внешности, так и по голосу казалось, что ему даже 20-ти колец нет.

— Восьмой рыцарь круглого стола, я приношу свои извинения за... — не успел договорить Уолтер, что хотел избежать наказания за неуважение к высокому чину, как рыцарь его перебил.

— Я ищу одного человека. Он – войдер света, и в последний раз он щеголял в сером плаще и дурацкой шляпе. — совершенно не слушая, что говорит Уолтер, спросил парень. — Вы его не видели?

— Дурацкой шляпы я не видел, но за войдером в серой мантии сегодня гоняюсь весь день. — стуча в воздухе четырьмя пальцами, показывал Уолтер жест погони. — До сегодняшнего дня я думал, что войдеров не существует – не лучшая первая встреча получилась, сэр. — от этих слов рыцарь круглого стола тяжело вздохнул, но потом улыбнулся и протянул руку.

— Значит мы ищем одного человека. Меня зовут Сэмюэль Гард, рад знакомству!

— Уолтер Р. Тайгер, сэр. Рад служить. — выжав из себя всю серьёзность, пожал руку аскариец – как-никак капитан хондруферского флота всего лишь пылинки в сравнении с рыцарем круглого стола.

— Бросьте формальности, мы же с вами оба люди, и оба из Синороса. Уолтер, зовите меня просто Сэм! — с улыбкой на лице, совершенно наивным голосом сказал он, отчего Уолтер даже усомнился, что этот человек действительно рыцарь круглого стола.

— Я видел странные огоньки... Хотя, лучше забудьте. — опасаясь, что его вновь примут за ненормального, решил недоговаривать Уолтер, но Сэм внезапно заявил.

— Вы тоже их видите? Да это же войдерумовое зрение! Своими фокусами он оставляет следы войдерумовой энергии – только так я этого сорванца и могу выследить. — от этих слов Уолтер сильно удивился и даже порадовался, так как это могло значить, что из него может получиться войдер. — Жаль, что я так войдером и не стал, хотя войдерумовое зрение у меня прекрасное. — и тут надежды Уолтера стать войдером обломались, а шансы на то резко упали. — Раз вы видите следы войдерума, то должны знать, что прямо за этой дверью нас ждёт этот человек.

— За ней? — указал пальцем Уолтер. — Так чего же мы ждём! — Сэм вновь не слушал слова Уолтера, что даже не заметил, как быстро рыцарь круглого стола поклялся императору, что арестует негодяя, и тут же выбил с ноги хлипкую дверь – к слову, она не была заперта.

Та с грохотом упала наземь и подняла пыль, слегка закрывающую теперь обзор на заброшенный магазин зеркал, что были почти на каждом шагу: от самых маленьких для дам, до комнатных, достигающих до трёх метров в высоту. Тотчас комната наполнилась хохотом, и Сэм с Уолом наостригли уши, пока в один момент входящие с улицы лучи Сэн не заиграли расплывающимися в воздухе образами перед зеркалами. Они формировались в полупрозрачную человеческую фигуру в сером плаще и остроконечной шляпе с короткими полями, пока вовсе не обрели плотную и едва отличимую от оригинала иллюзию.

Сэм тут же предупредил, что все эти люди не настоящие, а Уол уже успел до этого додуматься, несмотря на нулевой опыт сражения с войдерами. "Долго он нам будет ещё пудрить мозги?" — слегка раздражённо спросил Уолтер, стараясь не смотреть в глупые иллюзорные рожи с большими носами и маленькими глазами. Когда прошло несколько секунд поиска оригинала, смех войдера прекратился, и иллюзии начали потихоньку растворяться с озлобленным выражением лица. "Вот он!" — закричал Сэм, указав пальцем на самый дальний угол комнаты, где, спрятавшись за зеркалами, опускал ладони войдер, заставляя клонов исчезнуть.

Сэмюэль тотчас ринулся к войдеру, пробираясь через зеркала, пока не настиг его и собрался было схватить за руку со словами: "Именем императора ты арестован!" Но человек тот растворился точно так же, как и другие иллюзии, и через секунду в глазах Сэма он взорвался яркой вспышкой, от которой после встревожился Уолтер и побежал к товарищу. Сэмюэль оказался ослеплённым на несколько секунд, и за это время войдер неведь откуда сумел выстрелить направленным лазером и прожечь одежду рыцаря круглого стола, оставив сильный ожог и резкое чувство боли, вырвавшееся криком.

Уолтер не успел помочь выбраться из-под атаки войдера, а Сэм упал на колено практически без сил. Направление атаки, как и самого лазера, Уол не успел разглядеть, так как все его мысли в тот момент были заняты спасением Сэма. Смех в комнате стал в разы громче, а местоположение врага так и не было раскрыто. Тогда Уол решил попытаться отыскать войдера благодаря войдерумову зрению, но всплески энергии, оставленные световыми техниками, слишком сбивали след, превращая помещение в сплошные источники искр. Время поджимало, Уолтер перестал чувствовать себя как в своей тарелке, будучи замкнутым десятками зеркал, перед которыми плясали копии противника. "Войдер должен нас видеть, чтобы атаковать, но кто из всех этих клонов оригинал? Ударю не того – меня ослепит вспышкой, и мы с Сэмом станем лёгкой добычей!" — эти мысли пришли в голову Уолтеру, и на его лбу выступил пот. Неужели простой поход за рыбой обернётся ему и рыцарю круглого стола гибелью?!

Ситуация казалась хуже некуда, но Сэм, на секунду преодолев невероятную жгучую боль, в мгновение ока достал шпагу из ножен, и дюжим⁵ колющим ударом по близстоящему зер-

⁵ Дюж – от устаревшего "дюгъ", что значит "сила". Таким образом, "дюжий" – "сильный", а "сдюжить" – "быть в силах" (что-то совершить).

калу заставил стекло разбиться вдребезги. "Хватай!" — прокричал он Уолтеру, прежде чем ещё один лазер не попал ему в плечо, лишив всякой возможности сражаться дальше. Рыцарь круглого стола упал наземь, схватившись за горячую рану с криками, что смешались с довольным смехом войдера.

"Что ты имел в виду? Почему ударил зеркало? Это не могло быть отчаянной попыткой добраться до противника: рыцари круглого стола не могут быть настолько глупы. Думай, Уолтер, думай!" — осматриваясь по всем сторонам и видя насмехающиеся над ним копии, мыслил Уол, пока символ Сэма не расшифровался благодаря простой логике. Всё встало на свои места, и теперь капитан заимел в этом бою подсказку о том, как бороться против войдера света! "Противник, прячущийся в зеркалах. Для атаки тебе требуется видеть нас, но клон будет мешать обзору — ты обязан быть за стеклом!" — с этими мыслями Уолтер ободрился: комната вдруг стала казаться куда просторнее, а ноги, что быстро двинулись сначала в сторону Сэма, а затем к стене, — легче пёрышка. Дыхание вновь стало ровным и ритмичным; в этом бою Уолтера более ничего не стесняло! Он достал из ножен шпагу и ринулся к единственному в помещении зеркалу, что было прижато к стене и в котором отражался войдер, хоть клон перед ним не стоял.

Решительный вид Уолтера и его ужасающие шрамы напугали шутника, которого, по непонятной ему причине, раскрыли, посему он тотчас воспользовался последними каплями энергии войдерума, дабы нанести решающий удар оставшемуся без защиты врагу. Уолтер понял, что это не зеркало, а прозрачное выпуклое стекло, за которым войдер готовит лазер, но увернуться никак не получится! Противник уже успел сконцентрировать достаточно энергии, и лазер уже было готовился встретиться с головой Уола, но он был не из робкого десятка. Самый находчивый и хитроумный капитан хондруферского флота не просто так сначала подбегал к Сэму — он поднял лежащий рядом с ним осколок зеркала, чтобы вовремя отразить последнюю атаку войдера! "Больше тебе некуда бежать!" — прокричал решительно Уолтер Р. Тайгер, когда поднял второй рукой осколок, от которого луч отразился в стену, после чего наполненным силой ветра остриём шпаги разбил вдребезги стекло, за коим прятался сокрушённый неминуемым поражением войдер.

Уолтер ворвался в небольшую комнату, где всё это время сидел и проводил атаки негодяй, после чего скрутил его по рукам и хорошенько приложил того по затылку яблоком⁶ шпаги.

"Тогда я даже не осознавал, что использовал войдерум ветра, но чувство было до боли знакомым — буквально "до боли". Когда сражение кончилось, мой клинок был объят такими потоками ветра, которые когда-то сумели спасти мне жизнь. Я говорю о том дне, когда в последний раз видел Робина и бился с ним плечом к плечу — тогда, видимо, мои инстинкты твердили продолжать бороться за жизнь, поэтому использовали энергию войдерума, чтобы не утонуть. И только в бою с войдером света я смог применить стихию осознанно."

Битва окончена, и хоть она была куда короче тех, к которым привык Уолтер, будучи простым матросом и капитаном на хондруферском судне, она всё же смогла потребовать много усилий и вымотать. Что же касается Сэмюэля Гарда — с помощью Уола он смог встать на ноги и найти в магазине место для обработки ран. Ожоги оказались не смертельными, а боль всё же не давала рыцарю сражаться в полную силу, посему тот почувствовал себя виноватым:

— Уолтер, ты хорошо поработал. — сказал он, лёжа на пыльном диване. — Этот войдер мне уже не первый месяц доставляет проблемы. Здорово ты его! — с горькой улыбкой похвалил Сэм, пребывая в не сказать что здоровом виде, отчего Уолтер возмутился.

— Брось! Если бы не твоя подсказка, я бы ни за что не догадался, где прячется этот мерзавец. — отрезал он. — Так что не прибеждайся: это и твоя заслуга тоже.

⁶ Яблоко (в холодном оружии) — навершие в части эфесе (рукоятки) оружия. Яблоко служит противовесом в оружии и не позволяет руке соскользнуть с рукояти.

Стоящий над Сэмом Уолтер хоть и не понимал, что стало причиной говорить именно эти слова, а всё равно было приятно отдышаться после битвы в компании – даже несмотря на то, что союзника он знает всего несколько минут.

— Кхм. — устроившись поудобнее на кресле, выдыхал Сэм. — Этот войдер света – мой родственник: тоже Гард. Как только он нашёл в себе способности к войдеруму, его понесло невесть куда. — чуть подняв голову и увидев связанного войдера, Сэм выдал лёгкий смешок и опустил шутку. — А хотя нет, ясно куда! Несколько месяцев он позорил наш род, обманывая жителей Синороса своими фокусами. Я долго пытался образумить его, но всё было без толку, пока он не зашёл слишком далеко. И как ты понимаешь, это "далеко" – попытка нас убить. — иронично расставив ладони и выпучив глаза, сказал Сэм.

— Кхм. — устроившись поудобнее на кресле, выдыхал Сэм. — Этот войдер света – мой родственник: тоже Гард. Как только он нашёл в себе способности к войдеруму, его понесло невесть куда. — чуть подняв голову и увидев связанного войдера, Сэм выдал лёгкий смешок и опустил шутку. — А хотя нет, ясно куда! Несколько месяцев он позорил наш род, обманывая жителей Синороса своими фокусами. Я долго пытался образумить его, но всё было без толку, пока он не зашёл слишком далеко. И как ты понимаешь, это "далеко" – попытка нас убить. — иронично расставив ладони и выпучив глаза, сказал Сэм.

— Отправишь его в темницу? — спросил Уол, кивнув в сторону войдера головой.

— Хотел бы я, чтобы там он подумал о своих поступках, но ведь он там уже постоянный гость! — тяжело вздохнул Сэм, закрыв глаза. — Да и не мне решать его судьбу. Его вздёрнут, Уолтер. Не думаю, что глава семейства Гард сыщёт больше терпения. — приуныл Сэм, глядя куда-то в пустоту, отчего Уол перехватил инициативу в разговоре.

— И что? Твой родственник – кем бы он ни был – уже не маленький. Не тебе быть ответственным за его жизнь. Так что не вини себя попусту, Сэм. — эти слова вышли сами собой, и Уол даже не заметил, что они так же хорошо подходят и под него. Тотчас всплыли воспоминания и чувство вины за смерть Барта – за жизнь, которую он выбрал. — Не виноват. — безжизненно вырвались слова из уст Уолтера. — Так ведь?

В этот момент единственный глаз Уолтера застыл, а ладони невольно сжались в кулак. Сэм же не заметил и не смог прочувствовать тех эмоций, которые прямо сейчас испытывал Уол, поэтому лишь неуверенно согласился, пока через пару секунд они двое не обратили внимание на пробудившегося войдера, что не был готов сражаться – нет, с ним всё было куда хуже. Родственник Сэмюэля хоть и был в отключке, но слышал весь разговор, и когда проснулся, отчаялся до такой степени, что некогда полное радости смешное лицо искривилось в уродливом выражении неописуемого страха смерти. По напряжённым до предела щекам рекой текли слёзы, а раскрытый широкий рот показывал чёрную бездну, откуда вырывались крики и мольбы о прощении. Сложенные домиком брови морщили вспотевший лоб, а длинные волосы липли к сопливому носу. Это зрелище было до того шокирующим и жалким, что на секунду напугало Сэма, а Уолтер не мог отогнать чувство, будто перед ним не незнакомец из рода Гард, а облик брошенного Бартоломео. Воспоминания просачивались наружу, и совершенно непохожие черты лица войдера в глазах становились знакомыми из юношества. "На мне нет вины, но он плачет. Разве не видишь? Он плачет. Все эти кольца он рыдал, потому что ты не уберёг его." — если бы облик войдера и ощущения от него можно было перевести в слова, то в голове Уолтера они звучали бы именно так. И единственным, что смог выдавить из себя напуганный Уолтер: "Н-нет же... Н-не виноват!.." — безуспешно пытаясь отвести взгляд от источника отчаяния, прошептал дрожащими губами мёртвый Ремингтон.

Сэмюэль стиснул зубы и, собравшись с силами, подошёл к войдеру, после чего с силой ударил в висок, дабы тот вновь отключился, после чего сказал: "Слишком поздно для слёз, племянник." Тогда Уолтер пришёл в себя и тяжело выдохнул, после чего предложил помочь донести тело куда нужно.

Всю дорогу Уол и Сэм молчали, глубоко погружившись в свои мысли. В один момент, по пути в поместье, войдер очнулся и без какого-либо сопротивления заговорил с Сэмом словами, полными неопишуемой печали:

— Я бы всё равно никого не убил, дядя. Я никогда не убивал... Прошу, помоги мне, Сэм, я возьмусь за голову, обещаю тебе! — несколько секунд Сэм молчал, нахмутив брови. — Я до сих пор помню, как ты играл со мной, когда я был маленьким. Прошу, Сэм, не веди меня к отцу! Я исчезну с твоих глаз — только дай мне шанс!

— Это... — не останавливался идти Сэм и выдал неуверенно. — Это приказ. Я должен подчиняться отцу. Ты совершил преступление. — словно клещами достал из себя эти слова Сэм, так как действительно верил своему племяннику, но не мог послушаться приказов. — Прошу, замолчи. — отрезал он, прикусив губу.

Племянник после тех слов полностью отчаялся и не стал более ничего говорить, смиренно ожидая последнего своего суда. А когда всё закончилось, и войдера перенесли в поместье Гардов, где тому предстоял серьёзный и, скорее всего, последний разговор, беспокойство потихоньку спадало на нет. Ситуация наконец улеглась, когда, выйдя из поместья Гард, парни решили пройтись по городу, — тогда больше ничего не угрожало безопасности и здравью ума, и Уолтер с Сэмом смогли легко поговорить.

— Спасибо за помощь, Уол. Не знаю, что бы я делал один.

— Я просто шёл за продуктами — только и всего. — отпустил Уолтер шутку, после которой Сэм слегка посмеялся.

— Ха! Не дай Тасим повториться таким походам за хлебом! — после этого оба хорошенько посмеялись и вернулись в привычное русло, а затем в голову Сэма пришла хорошая идея. — А давай я помогу с продуктами? Прежде чем стать рыцарями круглого стола, наша семья долгое время занималась торговлей в Синоросе — поэтому я разбираюсь, где выгодно продают лучшие товары! — горделиво заявил он, чем немного насмешил Уолтера.

— Да где ж это видано, чтобы рыцарь круглого стола простому вояке помогал? Что ты, меня за руку по всем лавкам поведёшь? Нет уж, уволь.

— Тогда, может, тебе нужно сыскать подарок для дамы? — накидывал идеи Сэм, желая отплатить Уолтеру за помощь. — Может, я и не аскариец, но мне не хочется оставаться в долгу.

И после фразы о подарке Уолтер собирался согласиться, поэтому тут же начал с лёгкой долей смущения и неловкости расспрашивать о том, что нравится женщинам высокого рода.

— Точно! — внезапно ободрился Сэм. — Я вспомнил, где слышал твоё имя! Ты же новый слуга у Уотсонов, так? Неужто для Арабеллы Уотсон ищешь подарка? — с раздражающей улыбкой спросил Сэм, а его верная догадка только сильнее смущала и злила Уола.

— Да, для неё! А теперь говори, что ей понравится. — раздражённо ответил Уолтер, только бы в его личное дело меньше лезли.

"Так, благодаря этому болвану я узнал, что для первого подарка хорошо подходят цветы, но надо умудриться ещё незаметно узнать, какие именно ей по нраву. Оказалось, цветы с колючими стеблями дарить любимой женщине нельзя ни в коем случае, так как это символ разрыва — а ведь я задумывался взять жёлтых роз! Одним только цветом можно многое сказать женщине, а в этом плане я разговаривал хуже кольцевалого ребёнка. По словам Сэма красные цветы говорили бы о страсти, жёлтые — счастьем быть с человеком, пурпурные — уважению, а белые с чёрным — так вообще смерти. Когда я спросил, какой, в конце концов, выбрать подарок, Сэм предложил остановиться на букете с преимущественно оранжевыми цветами и белыми каплями — чем нежнее стебель растений, тем будет лучше. А на мой вопрос, нормой ли будут в букете белые цветы, тот ответил, что женщина не обратит внимание, если подарок в целом будет красив. Тогда я только молился, чтобы так и произошло, но одного букета для высокородной женщины, как оказалось, недостаточно: "Если она всё ещё одинока — а Арабелла одинока, — то перевяжи букет красной лентой — это

очень аккуратный намёк, понятный каждой женщине." — так мне объяснил Сэм, а потом так убого подмигнул, что я поблагодарил Тасима за то, что оставил мне только один глаз. И, откровенно говоря, я был рад его дружелюбию и желанию помочь: любой аскариец бы на его месте подсказал мне только для того, чтобы не оказаться в долгу, а этот парень искренне желал мне успеха. Одна проблема — он постоянно уходил от ответа на вопрос, о чём именно намекает красная лента. Тогда я решил положиться на этот смутный трюк, а если вдруг он окажется шуткой от Сэма, я поклялся во что бы то ни стало его отыскать, похитить и привязать в лесу к какому-нибудь дереву этими самыми лентами. После войдера света мне шутников на всю жизнь хватило."

— А что значит оранжевый? — спросил о смысле цвета Уолтер, подняв бровь.

— Это закат, Уолтер. Вы с Арабеллой оба родом из Нолстрея, а там люди только и говорят о море и огромном огненном шаре, что тает на горизонте, умытая морской пеной и утопая в голубых водах. Уверен, на Нолстрее полным-полно оранжевых цветов. — с улыбкой на лице ответил Сэм, слишком увлечьшись романтикой и её объяснением. — Или оранжевый это просто слава! По крайней мере в хондруферском обмундировании и гербе именно так. — вновь забавно раскрыв ладони в белых перчатках, сказал рыцарь.

— Я и не задумывался об этом, а ведь всё правда указывает на то, что она из Нолстрея... Спасибо.

— И не забудь ещё кое-что, Уол! — задорно сказал Сэм, когда Уолтер уже собирался уйти.

— Слушаю, Сэм. — обернулся Уолтер, будучи в паре метров от него.

— Удачи! Она тебе пригодится, ми... коразон?.. Так ведь у вас говорят? — с долей неуверенности и старания сказал Сэм, раскинув ладони в белых перчатках, от которых жест выглядел выразительнее и глупее.

— Коразон — нолстрейцы говорят "ми коразон"! — сделав пару шагов в сторону Сэма и приблизившись к нему, поправил Уолтер с улыбкой на лице.

— Да. — уверенно ответил Сэм, потому как в будущем он собрался называть своего аскарийского друга без ошибок.

— Бывай, ми коразон! — после этих слов Сэм и Уол крепко и с громким хлопком пожали друг другу руки с твёрдым желанием встретиться когда-нибудь вновь и обсудить, как у них сложилась жизнь.

Сэмюэль Гард, восьмой рыцарь круглого стола

Уолтер Р. Тайгер и Сэмюэль Гард сегодня обрели пару ранений и крепкую мужскую дружбу. И хоть они разошлись в разные стороны, дороги обязательно сведут их вновь, так как заложенная в этот день связь обещает влиться в увлекательную историю. А сперва Уолу требовалось объяснить в поместье Уотсонов, почему его так долго не было, а одежда изрезана, и "кто вас, Родиз меня дери, посылал за букетом цветов?! Каким только образом господин Уотсон принял вашу душонку в семью?! Это возмутительно!" — жаловались и проклинали темнокожие служанки Уолтера, чьё настроение было таким прекрасным, что никакие озлобленные речи в его сторону не могли достичь цели и сломить дух!

Уолтер поднимался к покоям Арабеллы с букетом цветов, а его выражение лица было таким глупым и довольным, что страшные шрамы казались неаккуратным гримом. За окном уже вечерело, и закатный Сэн уже пробивался розовым светом на цветы, что пахли сладостью лета и живостью природы, отразившейся красотой в этом подарке – оставалось только его вручить!

Уолтер встал перед дверью, кашлянул, чтобы случайно не выдать глупый голос, и постукал свободной рукой, после чего сказал: "Арабелла, кхм, мисс Уотсон! У меня есть к вам кое-что срочное!" — и сразу после этого позади него внезапно послышался ответ:

— Рассказывайте! — сложив руки за талию, ответила наивно и шутливо Арабелла, оказавшись прямо за спиной у ничего не подозревающего Уолтера.

— Мама! — встрепенулся с испугу Уол и обернулся, после чего увидел милое довольное личико Арабеллы, чья шалость удалась.

— "Мама?" Я настолько стара на вид? — удачно изобразила она обескураженность, отчего Уолтер ещё сильнее заволновался.

— Нет, что вы, нет конечно! — попытался он исправить ситуацию, но даже не осознавал, что попался в ловушку женской шутки, отчего Арабелла решила остановиться.

— Так, спокойно, Уолтер. — то поднимая, то опуская ладони и глядя Уолтеру в глаза, пыталась она привести слугу в норму, но его взволнованное лицо оказалось слишком смешным. — Спок... пх... пха-ха-ха! — не смогла высокородная особа сдержать эмоции и взорвалась смехом – видимо, у неё сегодня прекрасное настроение.

— Мисс, тише, разве вам дозволено так смеяться? — ещё сильнее взволновавшись, прошипел Уолтер, вспомнив о нормах высокого общества – хотя её смех было приятно видеть.

— О, вы правы. Прямо сейчас бояться не стоит: посторонних людей всё равно нет в поместье, но дама должна держать себя в руках, вы уж простите. — вернула свою серьёзность Арабелла, хотя и не жалела о том, что хорошенько посмеялась. — Так какое же у вас было срочное дело ко мне?

"Тогда я проклинал себя за то, что терял всякий ум, когда в голову шли мысли об Арабелле. Ведь спросить о выборе подарка я спросил – но вот задаться вопросом о том, как правильно говорить с женщинами, я не догадался. Удивительно, как с такой головой я вовсе не заблудился в одном из плаваний в открытом море. Из-за этого мой язык тогда словно сваялся в мёртвый узел – иначе я не могу объяснить, как из моих уст вышли такие умалишённые слова."

— Я, о... Дело в том... Срочность она такая... Вот. — в один момент гроза морей превратилась в маленькую сардинку, что могла только булькать что-то невнятное. — Это вам. — неловко, но крайне аккуратно протянул букет Уолтер, а его лицо приняло один цвет с закатными лучами Сэн.

— Ох, как я не заметила такую красоту? Благодарю, Уолтер! — приняла она радостно букет, после чего понюхала лепестки, закрыв глаза.

"Что мне делать дальше – я знать не знал. Только молился Тасиму, чтобы я ненароком не провалился под землю, а багровый цвет лица не выдавал волнения. Мне хотелось выглядеть в её глазах сильным и несгибаемым, а почему – не знаю."

— Ох... — внезапно удивилась она, отчего сердце Уолтера чуть было не остановилось. — Красная лента... я обещаю, что выкрою для вас время, Уолтер. — словно по волшебству ленточка возымела эффект, отчего с плеч аскарийца словно упала гора.

— Я буду терпелив, мисс. — столь хорошие новости даже сумели расплести язык Уолтера, и тот заговорил как человек.

— Речь идёт о кольцах, Уолтер. Надеюсь, вы будете достаточно терпеливы. — и вновь Арабелла заставила Уолтера сильно измениться в лице. — Прямо сейчас в государстве дела обстоят сложно, поэтому нам нужно быть бдительными.

— Это снова ваши шутки, так? — понадеялся Уолтер, но серьёзный тон Арабеллы никуда не делся.

— Я бы и сама хотела, чтобы всё это было шуткой. Но императору Остону Рыжегривому нездоровится – об этом знает уже вся аристократия, и никому не известно, что станет с его единственным наследником. — весь запал Арабеллы куда-то делся, словно разговор о власти навёл её на грустные мысли. Она с долей печали опустила взгляд, а когда увидела букет, невольно улыбнулась, вспомнив, что в первую очередь она всё же человек, а не аристократ. —

Не подумайте, сэр Уолтер: цветы мне правда понравились, да и вы человек интересный, но в шторм на лодке не рыбачат – сами понимаете.

— Да, вы правы, мисс Уотсон. Тогда я, пожалуй, пойду?

Осознание того, что несколько колец ему придётся только и делать, что ждать, заставляло чувствовать себя неважно. Казалось, что вся эта погоня за войдером и последующая лекция от Сэма не имела смысла. По крайней мере появился маломальский мотив для чего-то жить следующие несколько колец... Уолтер, не дождавшись ответа, двинулся к лестнице и уже было спустился на несколько ступеней, как вдруг Арабелла окликнула его, и когда тот повернулся, помахала рукой, на запястье которой была привязана красная ленточка от букета.

— Я не забуду о вашем приглашении, Уолтер! — звонко заявила она, чем порадовала парня. — Будем ждать этого дня вместе!

— И я не забуду, мисс Уотсон. Доброго вам вечера! — с улыбкой на лице попытался Уолтер подмигнуть Арабелле так же, как это делал Сэм, чтобы блеснуть каплей харизмы, но совсем забыл, что для этого нужны оба глаза. И хоть подмигнуть не удалось, но на секунду Уолтеру получилось показать такое тёплое и умиротворённое выражение лица, что Арабелла забыла о всяком беспокойстве и государственных проблемах. — Ох, чуть не забыл! — вернулся Уолтер, вспомнив, что хотел задать один вопрос. — Почему вы отправили меня за рыбой и орехами, а не слуг? За весь день я так и не понял важности этого поручения.

— Ах, это! — прикрыла рот ладонью Арабелла, пустив туда тихий смешок. — Служанки давно были недовольны вашим пребыванием здесь, вот я и позволила им получить немного власти над вами, чтобы успокоить.

— Вот уж... Правду говорят, что на некоторые вопросы лучше ответов не знать. — в этот же момент Уолтер хотел спросить, о каком приглашении Арабелла говорила, когда показала обвязанную лентой руку, после чего взглянул на неё, вспомнил только что сказанные слова и добавил. — А некоторые вопросы даже не стоит задавать!

Ниркут сделал глоток чая и только что осознал, что прочёл слишком личную историю, не получив при этом для своей цели ничего полезного.

— Признаю, это событие меня увлекло, но мы тратим время не для изучения любовных похождений Уолтера Р. Тайгера. К тому же, как я понял, связи рыцаря круглого стола в будущем позволили ему попасть на аудиенцию к Катору Безумному. Почему вы не остановили меня прежде, чем я прочёл этот эпизод жизни Уолтера?

— Иначе вы бы не поняли, что побудило его двигаться вперёд и почему. Вы как историк должны понимать лучше всех – чтобы изучить путь, надо разобрать каждый шаг. А что насчёт Сэмюэля Гарда – я бы советовала вам не делать поспешных выводов, будьте настолько же терпеливы, как Уолтер в своё время. — ответила аскарийка, улыбаясь.

— Боюсь, поспешность – мой главный порок, мисс. Вы ведь не предлагаете мне сидеть здесь целые кольца, только чтобы узнать, о чём разговаривали Уолтер и Катор? — пошутил ниркут, хоть и в самом деле боялся, что аскарийка именно этого и добивается. Благо, следующие слова его успокоили.

— Разумеется! — выпустив лёгкий смешок, ответила она, после чего принялась серьёзно объяснять, что она имела в виду. — Никто бы не потребовал столько времени, когда оно так поджигает. Я лишь хочу, чтобы вы прошлись по записям Уолтера сквозь пережитые им кольца, описанные в бортжурнале. Уверяю вас, каждое кольцо в этих записях важно; и, быть может, вы найдёте то, что вам нужно, но даже не задумывались это искать.

— Кажется, бронекареты проезжают мимо. — услышав со стороны потолка дрожь, сказал ниркут.

— У вас прекрасный слух, сэр. Даже не знаю, хорошо это или плохо, что в своём возрасте не могу расслышать приближение этих ужасных гудящих и скрипучих машин.

— Да уж, в наше время никто и подумать не мог, что по улицам будут разъезжать кареты по железным дорогам. Вот бы они нас не настигли... — выдохнул ниркут, после чего продолжил читать и надеяться, что сегодня жандармы оставят его в покое.

Глава 5 "Покажи, на что способен"

В шестом кольце Уолтер Р. Тайгер успел стать среди сослуживцев настоящей знаменитостью – человеком, способным выполнить любое задание: "Прикажи адмирал весь виллионский флот ко дну пустить – костями ляжет, потопит!" — такой слух чаще всего ходил в штаб-квартире адмиралтейства, где видели в молодом капитане большой потенциал. Тогда всем было ясно – если Уолтер останется в живых, то рано или поздно он встанет во главе хондруферского флота. А что же его самого – Тайгера – нисколько не волновали ни звание, ни карьера, ни мнение окружающих, потому как всей его жизнью и целью существования было истребление "гнили нашего времени – пиратов." — как писал сам Уол. Но даже в таком мрачном и кровожадном стремлении сумело засесть трепетное ожидание того самого дня, когда правда о загадочной красной ленточке раскроется, и Арабелла вновь одарит раненого зверя прелестной улыбкой. В то же время Уолтер пытался освоить свой войдерум ветра, придумывая новые приёмы и изучая в найденных книгах тонкости стихии – успехи в этом деле были невзрачны и редки, так как критически не хватало практики на настоящем поле боя. Быть может, новый всплеск усердия, видимый в десятках новых успешных мореплаваний, появился именно благодаря этой даме. Во всяком случае, на пути к встрече с ней не могло не найтись места для новых приключений и неожиданных препятствий.

Тот жаркий летний день начался с простого визита Сэмюэля Гарда, который нашёл время, чтобы навестить своего одноглазого приятеля. Вдвоём они уселись за небольшой стол в лишённом изыска помещении, где обычно от работ отдыхала прислуга Уотсонов, и, обменявшись тёплыми приветствиями, Сэм внезапно начал странный разговор:

— С тех пор как мы познакомились я всё думал, кто ты. — серьёзно начал Сэм, одной ладонью указав на Уола, а другой потягивая свежий чай из фарфоровой кружки.

— Девятый рыцарь – ты не забыл? — саркастично опустил Уол, не восприняв вопрос всерьёз.

— Право, скажи ты это другому рыцарю, зубов у тебя осталось бы столько же, сколько и жребиев. — подшутил Сэм, хлопнув ладонью по нашивке восьмёрки жребиев на собственном кителе. — Но, если серьёзно, Уол, — мы столько раз виделись, а ты ничего не рассказал о себе даже мельком.

— Ты прав, но тебе какой смысл в моей болтовне о прошлом? Ты ведь уже как-то умудрился понять, что я из Нолстрей – а ведь я об этом даже обмолвиться не успел! — попытался уйти от темы Уолтер, направив укол в сторону Сэма. — Ты и без моей помощи легко сможешь разобраться, кто я.

— Друг, кто тебя только научил так разговаривать? Неужели Арабелла позаботилась о твоём обучении? — удивился Сэм тому, как Уол научился уводить разговор в другое русло, ибо в памяти этот капитан до сих пор остался человеком с надкушенным языком.

— Вот видишь! — слегка раздражённо ответил Уолтер, так как Сэм в самом деле угадал: Арабелла специально нашла преподавателей для необразованного слуги, что должен, между прочим, соответствовать чести и славе рода, коему служит и принадлежит. — Ты сам прекрасно справляешься!

— Хм. — ухмыльнулся Сэм довольно. — Но всё же... — неприлично громко хлюпая, сделал он глоток чая, не отрывая глаз от Уолтера. — ...допустим, нравится ли тебе охота? Быть может, тебе иногда хочется из ружья в кабанов пострелять или вовсе – к китобоям пойти? — спросил Сэм так легко и без какой-либо ощутимой для вопроса цели, что Уолтер даже решил просто ответить, совершенно не задумываясь о последствиях сказанных слов.

Уолтер словно вернулся в детство, когда речи не обязывались иметь даже какой-то смысл или цель в будущем. Особенно это затерялось, когда Уолтер вступил во флот, где каждое неак-

куротно сказанная вещь могла привести к наказанию от старшего по званию. А теперь же пустые и лёгкие слова захотели сами собой выйти из уст, сотрясая воздух без причины – это и делало грядущий разговор приятным, непринуждённым. Если бы не одно огромное, раздражённое, чернокожее "но":

— Бездельничать он любит – вот что! — крикнула вошедшая в помещение недовольная служанка, размахивая белой тряпкой, как плетью, а маленькие чёрные глаза злостно выглядывали на Уолтера из-за толстых надутых щёк.

— Гулу... — позвал её по имени Уолтер, положив на стол свою кружку, после чего собрался было успокаивать, но мощь уставшей женщины не стоило недооценивать...

— Что, "Гулу"? А Гулу вас всего обыскала! Думала, занят Уолтер, – а нет! — сложила Гулу руки на пояс, после чего подняла и без того свой громкий голос. — Чьи распивает! — после этой фразы у Гулу глаза на лоб полезли, а её и без того огромная фигура, казалось, сейчас заполнит всю комнату и раздавит Уолтера – даже главнокомандующий военно-морского флота не нагонял на него столько же страха, как Гулу.

Сэм, видя, как Уолтер сквозь землю проваливается прямо на глазах, еле сдерживал смех, закрывая ладонью руку. И когда сильнейший наплыв смеха успокоился, тут же в розовеющую голову Сэма пришла мысль о том, что бы такое сказать служанке.

— У Уолтера в самом деле интересные занятия! — с горем пополам удалось выдавить из себя эти слова и не засмеяться, но впереди ещё оставалась вторая часть шутки, от которой Уолтер просто обязан был взорваться смехом!

— Гулу, прошу прощения, я принимал гостя... — в этот же момент обратил Уолтер внимание служанки на рыцаря круглого стола, коего Гулу в самом деле не заметила, пока тот не начал говорить шутку.

— О, Сэмюэль Гард, прошу простить меня великодушно!.. — Гулу тут же сбросила спесь и принялась извиняться перед гостем, но она даже не подозревала о том, как плохо он умеет слушать.

— Я и подумать не мог... — еле кое-как собрал розовый как помидор Сэм свои силы, чтобы продолжить шутку, в то время как Уолтер всё это видел и редкими смешками предвкушал настоящий взрыв комедии. — Не... не м... пх... мо-о-хо-хо-хо-хо! — не сумел Сэм договорить, выстрелить из пушки своих уст мощным шуткой-снарядом, потому как ядро разорвалось внутри ствола, наполняя поле боя невозможным сдержать хохотом.

— О Тасим! — разочарованно закатила глаза Гулу, пока Сэм умирал со стыда, закрывая лицо и неудержимо смеясь, а слегка покрасневший Уолтер с улыбкой пытался его успокоить – но следующие слова служанки оказались убийственными. — Вы и рыцаря круглого стола своей глупостью заразили! Позор вам, позор! — крикнула она, отчего самую малость недовольная реакция Сэма на эти слова так сильно рассмешили Уолтера, что тот только подтвердил своим взорвавшимся смехом речи служанки.

Гулу, служанка в поместье Уотсон

Не боясь взглядов аристократов или других высших чинов, Сэм и Уолтер вовсю веселились, пока в ухо Уола не врезались последние, самые серьёзные слова Гулу: "Вас звала мисс Уотсон. Приведите себя наконец в порядок и скорее явитесь к ней!" — от этих слов даже Сэмюэль успокоился — что уж говорить о Тайгере, что посчитал это верным знаком: "Наконец-то!" — обрадовался Уол, выпрямился, поправил платок на шее, после чего двинулся к покоям Арабеллы, щёлкнув безмянными пальцами обеих рук. Такой полный вдохновения жест не мог не заставить Сэма улыбнуться, ибо именно он научил друга так "праздновать по-антарферски".

И как не была бы сильна радость встречи, а Арабелла явно не пребывала в хорошем настроении, так как всё было написано на её лице: большие глаза пытались разобрать по внешнему виду Уолтера, что такого заставило его задержаться, а маленькие напряжённые губы выпустили слова, лишённые привычной ей приветливости, хоть аристократичная сдержанность никуда не делась.

— Я рада, что за несколько колец вы научились заваривать чай... — сказала Арабелла, не слишком радуясь улыбке Уолтера.

— Как? — сразу понял подвох в этих словах Уолтер и удивился. — Гулу вам уже всё рассказала? Когда она успела? — от этих слов Арабелла злилась только сильнее.

— Видно, теорию по физике вы усвоили плохо, раз не знаете, что звук имеет высокую скорость – и скорость в разы превышающую быстроту ваших ног! Уолтер, крики Гулу и ваш смех были слышны со второго этажа! — не выдержала она под конец, удивляясь глупости слуги.

Тут Уолтер решил взять на вооружение порок Сэмюэля и притвориться, будто ничего не слушал, чтобы намекнуть о самом важном.

— А лента у вас сегодня особенно блестит! — попытался Уолтер отвести внимание от небольшого конфликта, чтобы наконец приступить к самому желанному и ожидаемому за столько колец.

— Что? — ещё сильнее удивилась Арабелла, и только через секунду поняла, чего Уолтер такой весёлый. — Прошу вас, будьте серьезнее! Я позвала вас не поэтому! — показав запястье с лентой, сказала она, чем заставила лицо Уолтера скривиться в такое выражение осознания собственного недопонимания и глупости, что казалось, будто у него от удивления второй глаз откроется.

— Да? — тут же вырвалось из уст Уола.

— Да. — как гвоздь в крышку гроба ответ Арабеллы. — Оденьтесь прилично: сегодня нам с вами назначена встреча с Педро Хокинсом!

— Хокинс так Хокинс. — кивнул Уолтер, всё ещё глядя куда-то в пустоту и сильно желая поскорее удалиться, дабы не позориться больше. — Да, пора. — обронил Уол случайно – и зря.

— Давно уж пора! — тут же ответила Арабелла, до глубины души удивлённая тем, каким глупым может быть подчинённый. И когда тот спустился, она выдохнула и слегка взволнованно и тихо проговорила, глядя ему вслед. — Почему же вы такой?

"И в самом деле – почему же я такой слабый, скудоумный, неаккуратный и слепой рядом с ней? В тот день я молил Тасима о том, чтобы в поместье Хокинсов компания Арабеллы вновь не ввела мой ум в такие дебри, из которых придётся выбираться только чудом. Из раза в раз я теряю голову, когда появляется крохотный шанс узнать и оказаться в том самом времени, которое она пообещала выкроить для меня. И самое глупое – всё это время я так и не спросил никого, что значит эта красная лента, что за скрытый смысл в себе несёт, не потому что не мог или не находил удобного момента, а потому что сам того не хотел. Не хочу и сейчас: первое время казалось, что желание не подкреплено ничем, а убедиться в этом не мог, потому и верил в это, пока мне не представилась удобная возможность узнать о смысле ленточки – отказался! В тот момент я и понял, что на самом деле просто хочу, чтобы Арабелла, узнав об этом, улыбнулась, назвала опять странным, забыла о своём происхождении и посмеялась вдоволь. И верно – дурак я, раз это оказалось пределом моих мечтаний."

Уолтер одел единственный свой парадный наряд, коим являлся военный чёрный китель с белым воротом и простой оранжевой вышивкой у толстых пуговиц; чистая рубаха и белоснежные брюки, заправленные в солдатские кожаные боты – излишков Тайгер себе не позволял, да и никогда в этом не нуждался, потому как форма капитана и без того говорила о его обладателе ёмко и по делу. Далее вместе с Арабеллой он двинулся вглубь узких улочек Синороса, на его юг. Домов в пути становилось всё меньше и меньше, а красота их и ближайших садов только росла: Уолтер то и делал, что озирался по сторонам, провожая взглядом каждое из удивительных зданий, где входные бирюзовые округлые двери с витражами на них закрывали проход в то неизвестное, окутанное снаружи жёлтыми стенами, обрамлёнными на углах и основаниях белокаменными плитами и нежно обнимающей пышущей зеленью, дополняя пёструю картину мягким цветом покоя. В круглых окнах Уолтер видел, как в какой-то комнате вправо-влево били напольные часы, пока дамы в одеждах служанок собирались чаёвничать на веранде, а на улицах посаженные вдоль дорог пальмы томно опускали свои зелёные головы, приветствуя проходивцев в жаркий день благодатной тенью.

Когда Уолтер и Арабелла добрались до поместья Хокинсов, представляющий собой двухэтажный ярко-оранжевый дом, огороженный красивым железным забором на основе бетона глубокого синего цвета, мисс Уотсон наконец сменила недовольное лицо и разорвала долгое время молчания: "Тайгер, прошу вас быть серьёзным перед хозяином этого поместья, и хватит, пожалуйста, на всё так таращиться. Хотя и говорить в основном от вашего лица буду я, но будьте готовы и к тому, что некоторые вопросы будут адресованы напрямую вам, Уолтер." Тогда Уол коротко кивнул и пошёл дальше за Арабеллой, пройдя через украшенную вензелями калитку и пары солдат, что, завидев гостей, тут же узнали их и дали добро на вход в само здание. А Уол тем временем старался не обращать внимания на удивительные фонтаны и виноградники в садах, куда вела дорожка из плоских больших камней и собственного восхищения, так неугодного сейчас Арабелле.

Бирюзовая округлая дверь стала последней преградой в пути, и Арабелла тут же воспользовалась небольшой нависшей перед ней ниточкой, которую Уол и не заметил даже. Слегка дёрнув её нежной рукой в тонкой, едва ощутимой перчатке, в самом верху простого механизма, коего Уолтер видел лишь на "вороних гнёздах" корабля, металлический язычок звонко бил то по одному краю колокольчика, то по другому, заявляя о прибытии гостей.

— Удобно. И почему у нас таких нет? — заметил Уолтер, чем чуть-чуть раздражал Арабеллу, заставив ту слегка нахмурить брови. — В самом деле, мне и другим слугам не пришлось бы каждый раз смотреть в окна!

— Цыц! — услышав из помещения приближающиеся ко двери шаги, Арабелла не выдержала и вытянула вперёд Уолу ладонь, чтобы тот остановился и замолчал.

— Всего-навсего маленький колокол, а сколько нашим дамам времени даст для работы! — увлёкся совсем Уолтер, поднабравшись от Сэма привычки плохо слушать окружающих — и зря.

— Уолтер! — громко возмутилась Арабелла, топнув ногой и, повернувшись к болтуну, показала недовольное лицо, больше похожее на милую мышиную мордочку — но Уол знал, что даже такая мышка может наказать работой так, что горькое чувство сожаления останется на целую неделю.

Благо, недовольство и едва наступивший на Уолтера страх быстро отступил, когда в ситуацию незаметно и быстро ворвался тихий скрип двери, за которой на уровне глаз двух аскарйцев... никого не было. И только когда раздался звонкий голосок со стороны двери, оба опустили взгляд и увидели мальчишку в длинном ярко-бирюзовом платье с тёмными ромбами на груди, а манжеты и воротник из белого кружева заставляли сиять блестящие на свету лицо и ручки свежим чуть бледноватым цветом.

Марко Хокинс.

— Сэр Хокинс, к вашим услугам. — не промедлил Уолтер, выказав поклоном почтение мальчику.

— И вам привет! — улыбнулся во все зубы паренёк. — Вы к папе?

— Да, маленький господин, не сопроводишь нас? — удивительно, как Арабелла быстро менялась в лице и голосе при детях, становясь вмиг нежнейшей женщиной на свете – но конкретно этот ребёнок к доброте был невосприимчив.

— Не пуцу, мисс! — внезапно выдал он. — В моём личном и вовсе не игрушечном флоте... — начал паренёк так важно, будто носит императорский титул. — ...не хватает опытных моряков – это, между прочим, вопиющая проблема, которая требует особого внимания. Если вы откажетесь отдать мне капитана Тайгера, я вас в дом не-е-е-е-е пуцу!

От этих слов глаз Уолтера задёргался, и тот уже было хотел проучить противного мальчишку, но Арабелла с тёплой улыбкой согласилась на условия маленького военачальника.

— Конечно, сэр Марко. Можете рассчитывать на его боевой опыт, но одалживаю вам моего солдатика лишь на время. Вы позволите за ним вернуться, когда закончим переговоры с вашим отцом? — после этих слов Арабеллы, Марко хотел отказать, так как условия его не совсем устраивали, но тёплая рука аскарыйки, что слегка потрепала его голубые волосы, свела недовольство на нет.

— Хе-хе, разумеется! — спрятался от смущения Марко, приподняв плечи и слегка опустив голову.

— Мисс Уотсон, не могу же я... — хотел было возразить Уолтер, как Арабелла тут же отрезала.

— От вас зависит судьба флота Марко Хокинса, проявите хоть каплю терпения! — этих наигранных специально для ребёнка доводов было недостаточно, чтобы Уолтер бросил встречу с Педро Хокинсом и пошёл нянчиться с детьми, поэтому Арабелла совершила добивающий удар. — К тому же вы первый предложили свои услуги – не забыли? — с улыбкой сказала она, явно довольствуясь тем, что смогла обратить слова Уолтера против него самого.

— Ура! Пойдёмте, сразимся с виллионцами! — подпрыгнул на месте от радости парень, после чего слишком быстро вспомнил о своём происхождении и делах, что аж глаза на лоб полезли. — Я хотел сказать, вас ждёт отец, мисс Уотсон. — скорчил Марко настолько серьёзное лицо, что из-за него слова казались саркастичными.

"Ненавижу детей. Разумеется, я и сам когда-то был ребёнком, но, благо, не богатым. Этот Марко Хокинс только и знал, что играть в какую-то бессмыслицу, воображая невесту что и требуя каждый раз такую игру, будто я не моряк, а актёр или циркач. И самым раздражающим было то, что пока Арабелла обсуждала с Педро важные вопросы, я приказывал построиться оловянными солдатикам в шеренгу – Марко называл это обучением перед битвой. Не знаю, о каком сражении говорил он, а я всё время боролся с желанием накричать на мальчика и сказать, что всё это несусветный бред. Из раза в раз он требовал от меня пользоваться именно теми вещами, которые нужны, и на вопрос "почему именно они?" ответа никогда не следовало, а капризы Марко, казалось, существовали ради существования. И только попробуй я не угодить его желаниям, тут же начиналась катастрофа, которую даже описывать противно.

Игрушки, о которых я когда-то мог только мечтать, валялись разбросанные тут и там – их были целые горы, а применение находилось им беспорядочно: каждую секунду мальчуган пытался вклинить в игру то, что попадётся на глаза, до чего только дотянутся руки. Я не успевал за ним, злился, терял терпение, пока в один момент не спросил себя: "А что я здесь делаю?" Тогда-то за меня стала говорить ни то усталость, ни то вредность, и я одной фразой прервал весь задор Марко."

— Хватит! Меня ждут дела, развлекай себя сам! — встав с ковра, резко и грубо выдал Уолтер, но Марко не испугался или противился – даже не попытался вновь выглядеть важным.

— Да. — выдохнул печально Марко, выпустив из рук пару маленьких корабликов. — Взрослым всегда нужно работать.

После этого Уолтер вспомнил, что в этом доме не видел ни одну няньку, а всех слуг наблюдал лишь за уборкой помещений – неужели с Марко некому играть? В памяти осталось то внезапно смиренное выражение лица капризного юноши, однако Уолтер не придавал этому много внимания, так как в первую очередь желал наконец узнать, для чего Педро Хокинсу понадобился хондруферский капитан. Так Уолтер сам отыскал главный зал, где за чашкой чая Арабелла уже всю разговаривала с упитанным аскарийцем с короткими волосами и бородой, а из больших и жирных губ то и дело выходили слова, являющиеся противовесом предложениям мисс Уотсон. Оба они сидели за небольшим столиком из белого дерева, а на обратную сторону спинки стула, на котором сидел Педро, опирались два костыля.

Сэр Педро Хокинс.

— Мисс Уотсон, будь у меня здоровые ноги и нездоровый ум, я бы согласился на ваши условия и даже сам отправился в море – но увы, таковым человеком назвать себя не могу, поэтому нет.

— Вы ведь сами попросили о помощи, сбавлять цену в вашем положении – просто нагло. Неужели не понимаете?

Переговоры зашли в тупик, и никто из них не собирался уступать, пока Педро Хокинс не заметил прибытия Уолтера – человека, которого они вдвоём и обсуждали всё это время, хотя сам Уол об этом даже не подозревал.

— А вот и наш капитан! — ободрился Педро на удивление тонким голосом, вонзив от радости крохотную вилку в кусочек пирога, пока в это время Арабелла виновато тёрла ладонью лоб.

— Тайгер, мне следовало спросить вашего мнения... — повернулась Арабелла к Уолтеру. — Речь ведь идёт о человеке – не бумажке.

— Вы правы, мисс Уотсон! — ободрительно махнул ладонью Педро, посчитав это хорошей идеей, после чего взглянул в глаз Уолтеру. — В адмиралтействе ты зарекомендовал себя как послушного пса... — не успел он договорить, как Арабелла возмутилась.

— Сэр Педро, никакой он не пёс, а верный слуга императорской⁷⁷ короны и рода Уотсон. Прошу, следите за языком. — хоть Хокинсы и являются хорошими друзьями семьи Уотсон, но Арабелла не считала это поводом терпеть неуважение к собственным слугам.

— Пойдите! — попросил Уолтер, в любимой манере Арабеллы выставив вперёд ладонь. — О чём вообще речь?

— О том, Тайгер... — начал слегка недовольно Педро. — ...что в моих водах всюду бесчинствует одна пиратская шайка. И ни одна живая душа в адмиралтействе и высшей знати не волнуется за безопасность морских путей хотя бы приблизительно так же сильно, как это делаете вы, капитан. Может быть, адмиралтейство ещё не в курсе, но я и некоторые другие занимающиеся морской торговлей аристократы давно заметили, как ваша особа не терпит пиратов. — после этого Педро на пару секунд остановился, но продолжал смотреть в глаз Уолтеру, после чего вынул вилку из десерта и указал ею в капитана. — Мне нужна ваша помощь, пиратский бич.

— Вот как. — задрал нос Уолтер, поняв ситуацию и учуяв в ней подвох. — Почему же вы тогда не обратились к отцу семейства Уотсон? Он ведь во главе адмиралтейства, а значит и располагает большими ресурсами, чем какой-то капитан.

— И ответственностью. — резко добавил Педро. — За каждый чих ему требуется писать отчёты, а уж выделить корабли для борьбы с пиратами он точно не захочет, плюс к тому сейчас пираты волнуют только торговцев – никому нет дела до нас, вот и приходится искать помощи у отдельных людей. — после этого Педро выпучил глаза и поднял ладонь. — Выдающихся людей!

Пока Уолтер думал, Арабелла с надеждой смотрела на него, а тем временем быстрый топот маленьких ножек по лестнице устремился прямо в зал. Марко Хокинс торопился к отцу, чтобы показать своё завершённое творение: он прыгал от счастья и весь светился, пытаясь привлечь внимание Педро на то, что держал и крутил в руках, показывая рукотворную модель фрегата со всех сторон.

— Папа, папа! Смотри, это самый мощный хондруферский фрегат! Смотри, какой он красивый, папа! Я сам его сделал!

— Родиз меня дери, не сейчас, Марко! — после этих слов отца, Уолтер обратил внимание на то, каким разочарованным и смиренным вновь выразилось выражение лица задорного неугомонного мальчишки, и прекратил раздумья. — Иди к себе!

— Хорошо, папа... — опустив глаза на кораблик, сказал Марко, после чего собрался было уходить, как к нему подошёл Уолтер и положил руку на плечо.

— Как ты назвал это судно? — спросил Уол.

— Это... — неуверенно начал Марко. — "Знаменосец", сэр!

— Значит так! — с улыбкой начал Уолтер, обратившись к Педро. — Я готов помочь вам при условии, если сможете договориться с адмиралтейством переименовать мой фрегат в "Знаменосца".

"До сих пор помню, как удивилась тогда Арабелла, и каким хохотом тогда залился Педро Хокинс. Мисс Уотсон хотела задействовать меня, чтобы получить выгоду для семьи, а по итогу я выставил условия, при которых только Педро получает что-то дельное, а тот мальчиш-Хокинс наконец обретёт чуточку внимания."

— Ха-ха! Выгодная, право, сделка! — повеселел Педро, энергично доедая десерт. — Мне даже стыдно её заключать, мисс Уотсон, вы уверены в выборе своего слуги? Последнее слово за вами.

⁷⁷ "Императорская" или "имперская"? В Хондруфере культурно сложилось, что император – не только глава государства, а ещё и лицо и символ всей империи – этому в большей степени поспособствовала укоренившаяся абсолютная монархия. Потому куда чаще используется слова, начинающиеся на "императорс", приписывая все блага и, впоследствии, беды империи именно ему. В то же время в Виллионе всё наоборот: император не столь важен, сколько сама империя, потому там куда чаще говорят не "императорский", а "имперский".

— Что же я могу сказать... — не отрывая взгляда от улыбающегося Уолтера и Марко, сказала она. — ...слуги Уотсонов — тоже часть семьи, и будет кошунством, если не учесть их желаний. — смирилась Арабелла, позабыв о деньгах и влиянии, которое можно было бы получить с этой сделки. — Знали бы вы, Педро Хокинс, как приятно иногда радовать близких. — мягко улыбнулась Арабелла, вспомнив кое-что крайне важное для себя, после чего выдала эти слова с малой долей печали.

После этого переговоры окончились, и Уолтер отправился "патрулировать" воды на севере Калигийского моря. Паруса наполнились ветром, а команда подчинялась приказам Уолтера Р. Тайгера, что наконец почувствовал себя как рыба в воде, ибо заботы на суше давно успели надоесть аскарийскому капитану, который так и тянулся к бескрайнему морю. Густой туман здешних мест не позволял спокойно двигаться, посему хондруферским морякам приходилось плыть вдоль берега, вблизи маяков, пока в один момент вороной не закричал: "Сэр, впереди три шхуны!" — вот они, пираты, о которых нужно позаботиться и показать водный мир!

Медленно рассекая густой туман, фрегат Уолтера приближался к проявляющимся силуэтам кораблей на севере, что по какой-то причине становились всё меньше и меньше. Уолтер внимательно глядел в подзорную трубу и не мог понять, что не так с этими кораблями, пока квартирмейстер бубнил себе под нос: "Никого не видно на борту, это корабль призрак, сэр!" — от этих слов капитан недовольно цокал, но не переставал смотреть в трубу, пока в один момент не услышал крик вороного: "Во махина! Сэр, там что-то есть!" — тогда Уолтер слегка поднял трубу и увидел, как из тумана проявляется нос огромного четырёхпалубного корабля, после чего всё встало на свои места.

— Что же, приказ выполнен? — убрав трубу и взглянув на галеон с виллионским знаменем, сказал вслух Уолтер.

— Похоже на то, сэр. — сложил руки в замок лысый квартирмейстер, после чего указал пальцем на пиратские шхуны. — Наши призраки совсем недавно стали таковыми, и нам лучше вернуться в Синорос и доложить о победе прежде, чем нас заметят виллионцы.

— Да твоё мужество, видно, и само призрачно, раз ты хочешь так трусливо соврать и бежать, поджав хвост. — привыкший беспрекословно исполнять приказы Уолтер не мог мириться с таким советом квартирмейстера, посему резко сложил подзорную трубу и агрессивно махнул ею прямо перед лицом труса.

— Не забывайте, капитан Тайгер, я пекусь не о собственной безопасности, а о том, справится ли корабль: он принадлежит не вам, а его императорскому величеству — от носа до ахтерштевня⁸, ровно как и его экипаж! — повысил он голос, так как ума не мог приложить, для чего им идти на галеон. — У них больше пушек, людей и прочнее корпус — это же галеон! Не будьте так безрассудны, капитан Тайгер!

— Тогда тебе должно быть известно, что хондруферский моряк способен зарезать десяток виллионских, а пушкари нашего фрегата производят выстрелы в три раза чаще и точнее. Так чего же нам бояться? — попытался Уолтер вдохновить квартирмейстера и собравшуюся рядом с ним команду, но безуспешно.

— Бояться пойти на дно просто так! — отрезал квартирмейстер злобно, указав пальцем вниз, куда боялся отправиться он и несколько небезразличных к конфликту моряков.

— Капитан, они всё ближе! — выкрикнул вороной, подлив масла в огонь неподчинения и страха.

Тогда Уолтер взглянул на все эти напуганные и недовольные лица, совершенно неготовые к сражению с виллионским галеоном, и тогда в голову аскарийцу пришла старая песня, как раз подходящая под ситуацию. И не вспомнив её так вовремя, Уолтер, скорее всего, просто-напро-

⁸ Ахтерштевень — брус, идущий вертикально или наклонно от киля и составляющий заднюю оконечность судна.

сто послал бы неуверенного квартирмейстера куда подальше и воспользовался авторитетом, чтобы подчинить команду своей воле, но вместо этого всего устами заиграла шанти⁹:

"Старпом Вилли Вон"

Бред старпома клонит в сон...

Бред старпома клонит в сон...

Дай поспать мне, Вилли Вон,

Да-а-ай поспать мне, Вилли Вон!

Эй, земля-то далеко,

Гляди, земля как далеко!

Да-а-а-а-й поспать мне, Вилли Вон!

До-о-олговязый Вилли Вон,

До-о-олговязый Вилли Вон!

Рр-р-ра!

Виллионский галеон!

По-о-отоплю твой галеон –

Вилли Вонский галеон.

То-о-олько дай спать, Вилли Вон!

До!.. лговязый,

Лу!.. поглазый,

Черно!.. мазый Вилли Вон!

Как только Уолтер начал петь эту песню, квартирмейстер посчитал, что капитан сошёл с ума, пока его задорный настрой не начали подхватывать остальные моряки, продолжая исполнять эту шанти. Сам же квартирмейстер начал потихоньку понимать, каким странным жестом подавления мнения воспользовался капитан, но было уже поздно, так как уже вся команда весело напевала строки про заносчивого старпома. Звон цепей, шум канатов и топот моряков гармонировал с мелодией, задавая ритм и только сильнее раззадоривая экипаж, которым только дай возможность, и они хоть споют, хоть станцуют – лишь бы не работать.

Команда сумела ободриться, получить наконец боевой дух, а квартирмейстер оказался глубоко оскорблён и унижен:

— Я ведь не старпом даже... — попытался хоть как-то защититься пораженный квартирмейстер, чем только дал возможность Уолтеру ещё разок поглумиться.

— Ты сам посчитал, что песня про тебя. — сдержал Уолтер, улыбаясь, лёгкий глумливый смешок. — Тебя, случаем, не Вилли Вон зовут?

— Нет, Родиз меня дери! — взорвался квартирмейстер.

— Что ж, допустим. — ещё шире улыбнулся Уол, довольный своей победой, пока не подошёл старпом.

— Капитан! — встав напротив Уолтера, отдал ему честь, положив правый кулак на левое плечо, после чего задал финальный вопрос. — С севера на нас движется галеон! Прикажете ставить все паруса?

Этот вопрос был настолько глупым для Уолтера, насколько и приятным, ибо ему сразу захотелось дать такой ответ, чтобы вся команда сразу поняла, что морякам сегодня предстоит сражение. И тогда он, улыбаясь, громко и чётко отдал приказ старпому:

— Да! И чтоб носовые платки свои развесили в придачу! Курс на север, сблизимся с виллионцами, и чтоб фонари погасили – выполнять!

— Есть, сэр! — задрал голову, повиновался старпом, после чего побежал в сторону носа, донося до всех остальных моряков приказ капитана. — Все паруса! Фонари гаси! Курс на север!

⁹ Шанти – это моряцкие песни, названные в честь труппы музыкантов из Ламмеры, что большую часть времени исполняли песни для мореплавателей прямо на судах.

Тогда в ушах Уолтера прозвучала любимая музыка активной работы каждого члена экипажа, что спускала паруса, закрепляла их снастями на крюки фальшбортов, готовила ружья и затачивала лезвия – судно закопошилось на каждой палубе, а паруса с громким хлопком наполнились ветром, устремив фрегат прямо в лоб врагу!

Тотчас послышался грохот пушек вдали, и лишь спустя несколько секунд всплеск воды близ фрегата поведал экипажу о том, что им повезло не попасть под обстрел артиллерии. "Ответный огонь из мортир!" — приказал Уолтер. "Цельсь!" — закричал старпом. "Пли-и-и-и!" — разрывая горло, приказал капитан, после чего две мортиры на носу фрегата изрыгнули массивные ядра, устремившиеся в сторону медлительного жирного галеона. "Попали!" — огласил счастливый стрелок, готовясь к следующему выстрелу, но Уолтер тотчас приказал прекратить огонь, так как капитан уже собирался переходить к следующему этапу плана – но беда явилась быстрее.

— Капитан, они поворачиваются к нам левым бортом! — эта новость со слов старпома сбита Уолтера с толку, потому как...

— Будут стрелять. — нахмутив от недовольства брови, ответил Уол. — Рулевой, бери курс на северо-северо-восток! Все, перекинуться на правый борт – мы должны пережить эту атаку! — тут же предпринял Уолтер контрмеры, однако команда медлила, отчего капитан разозлился и закричал ещё громче. — Выполнять!

— Слышал приказ, правее бери! — продублировал старпом рулевому.

— Быстрее не могу, мы врежемся, капитан! — прокричал рулевой, пытаясь со всех сил крутить штурвал – но эту новость Уолтер не воспринял как проблему.

— Так держать! — прокричал Уол рулевому, попутно заряжая фальконет на левом борту. — Как только вонзимся в галеон, будь готов брать полный восток, понял меня?!

— Есть, сэр!

— Если юго-восточный ветер сегодня резко переменится и не поможет нам, клянусь, брошу флот и стану рыбаком! — с хохотом сказал Уолтер, после чего зарядил фальконет и выстрелил на опережение по фальшборту галеона, что тут же выпустил целый град ядер из порядка тридцати пушек по левому борту хондруферского фрегата. — Все на правый бо-о-орт! — прокричал что есть мочи Уолтер, дабы минимизировать ущерб.

Тотчас полсотни человек на верхней палубе перебежало на правый борт, едва опережая летящие ядра, но некоторые из них полетели выше и зацепили фок-мачту и разорвали в клочья несколько моряков вместе с разлетевшимися в разные стороны щепки фальшборта. Верхняя палуба налилась кровью, а некоторые моряки вздрогнули от ужаса, увидев обезображенные тела своих сослуживцев, но буквально через пару секунд план Уолтера сумел прийти в движение: таран фрегата на огромной скорости вонзился в борт галеона, оставив на почти непробиваемом для ядер боку громадного корабля большую трещину под ватерлинией, куда набиралась вода! Галеону была нанесена серьёзная рана, и монстр наполнился тяжестью Калигийского моря, оставляя тому на поверхности разлетевшиеся доски и щепки. Виллионский галеон против хондруферского фрегата – в этой баталии всё решат скорость экипажа и навыки капитана!

Оказавшись в непосредственной близости, виллионцы не дрогнули даже после сильного удара, отчего нашли в себе силы ответить стрельбой с палубы. "Мне бы таких моряков хоть десяток – захватил бы мир." — пошутил горько Уолтер, заметив, как от их выстрелов пали наземь несколько хондруферских моряков.

"Гроты поднять! Лиселя и бром-марселя круче к ветру! Курс на восток – выполнять!" — закричал со всей мощи Уолтер, постреливая по галеону из фальконета. "Рулевой, чтоб тебе провалиться, курс на восток!" — обратил Уолтер внимание, что даже с поднимающимися парусами поворот на восток быстрее не стал, после чего посмотрел на штурвал и сжал от недовольства кулак: "Проклятие!"

Уолтер Тайгер заметил, что рулевой лежит на земле без сознания, а на его кителе в районе груди красным пятном распространяется алый знак бессилия и предвестник скорейшей беды – фрегат еле успевал повернуться к врагу задом, чтобы подставить самую укрепленную часть и избежать ущерба от повторной атаки! Тогда Уолтер побежал к штурвалу, ощутив при этом знакомое чувство, будто всё окружение принадлежит ему, а когда руки взялись за шпиль из светлого дерева, весь фрегат словно стал продолжением пальцев капитана. "Живее, бездельники, иначе составите со мной компанию акулам!" — кричал задорно Уолтер экипажу, что со всей ловкостью лез по вантам, чтобы быстро поднять паруса. Энергия войдерума так и билась в Уолтере, нагоняя стихией шпиль штурвала, словно бурная река – водяное колесо, а окружающая атмосфера уплотнилась и сжалась в единый поток, толкающий лиселя¹⁰ ровно так, как нужно было для манёвра!

"Попробуй за нами угнаться, толстяк!" — прокричал Уолтер, отчего экипаж ободрился и заметил, как галеон становился всё дальше от их фрегата. Когда манёвр был успешно совершён, старпом и квартирмейстер не могли понять, в чём заключается следующий шаг капитана, так как, повторяя из раза в раз этот же приём, победы не достичь, а восточный курс вёл их напрямик в бухту Медный Кулак.

— Все паруса! — неожиданно прокричал Уолтер, ещё сильнее удивив старших на корабле.

— Что вы делаете, капитан? Такими темпами мы окажемся близ берегов бухты – как там сражаться?! — возмутился лысый квартирмейстер, в чьём голосе была слышна дрожь от страха.

— Всё-ё-ё пройдёт – и печаль, и ра-а-адость! — запел внезапно полный уверенности и чувства свободы Уолтер, глядя только вперёд.

— Что?

— То-о-о-олько враг не пройдёт нигде! — громко и сильно завершил Уолтер, после чего ринулся к центру корабля и закричал что есть мочи. — Приготовьте все пушки до единого по левому борту! Атаковать по моей команде! — после этого приказа Уолтер обратил внимание на недоумевающее выражение лица квартирмейстера, на котором словно было написано: "Тасим, мой капитан ведь не сошёл с ума?"

— Капитан, какой в этом смысл? Скажите наконец на милость, чего вы добиваетесь своими действиями!

— Победы – чего ещё. Для этого мне и твоя помощь нужна. — начал хоть сколько-то Уолтер вводить квартирмейстера в свои планы. — По моей команде ты немедленно сбросишь якорь!

— Но зачем? Что это нам даст?! — размахивал руками квартирмейстер, словно пытался ими уловить суть.

— Водоизмещение галеона куда больше, чем у фрегата, и наш фрегат уже минул ту глубину, при которой виллионцы сядут на мель, – понимаешь, о чём я? Теперь понял, почему я взял курс на бухту Медный Кулак? — после этих слов к квартирмейстеру пришло осознание: глаза расширились, рука невольно почесала подбородок, а рот немного раскрылся. — Мы их хорошенько разозлили тем тараном, и теперь они ни за что не сбавят темпа в охоте за нами – это их и погубит! А теперь по местам! Живо!

— Есть, сэр!

Громадное виллионское чудовище продолжало преследование, расстреливая из мортир убегающий фрегат. Уолтер же внимательно следил за галеоном из подзорной трубы, а губы так и рвались отдать приказ, но было ещё слишком рано: вражеское судно всё так же резво двигалось вперёд, словно мелководья и не было никакого. И когда мортирное ядро разорвало

¹⁰ Лисель – боковой прямой парус.

в ключья носовую фигуру корабля, Уолтер всеми силами пытался удержать равновесие и не упустить из виду тот самый важный момент, что проявится лишь на секунду! Следующее ядро угодило прямо в верхнюю палубу, разможив пушку и несколько моряков в фарш, а выжившие завопили от ужаса. "Жди, Уолтер – терпение вознаграждается!" — приговаривал себе под нос Уол и держался стойко – лишь бы не пропустить момента. "Ты не сможешь долго за нами плыть: вся бухта – мой капкан!" — успокаивал себя Уолтер, пока пот выступал на лице, так как галеон всё так же жадно рассекал волны, чтобы добраться до хондруферцев, и вёл артиллерийский обстрел. Самым гнетущим в этой обстановке был небольшой блеск на носу галеона – то было игрой света на линзе подзорной трубы, из которой виллионский моряк наблюдал за Уолтером и ждал, пока мортирное ядро раскроит тому голову.

Два ядра мимо. Вновь грохот пушек с галеона. Пара секунд тишины. Команда ждёт приказов – без толку: капитан сфокусирован лишь на одном. Третье ядро прокатилось по левому борту. Моряки молятся и ждут. Галеон давит огнём и нагоняет страх – и только Уолтер непоколебим, ибо через стёклышко подзорной трубы проявился на мгновение самый лучший знак! "Он ударился о дно. Он угодил на мель!" — Уолтер ждал этого момента с большим трепетом, чем собственный день рождения – пора хватать рыбёшку за жабры!

— Бросить левый якорь! — закричал Уол с превеликим удовольствием и лёгкой долей неверия в такое счастье.

— Есть, капитан! — сказал квартирмейстер, доверившись капитану как никогда прежде, после чего, находясь у центра корабля, схватил топор и быстро обрубил канатные стопоры¹¹, удерживающие якорь на балках под фальшбортом.

После этого корабль слишком резко остановился, отчего наполненные ветром паруса продолжили двигать ускоренное судно, но не вперёд, а влево из-за юго-восточного ветра. Благодаря этому манёвру фрегат получил возможность очень быстро повернуться к застрявшему врагу левым бортом во всеоружии! "Пли-и-и-и!" — закричал Уолтер, раздирая горло, после чего попавший в ловушку галеон попытался поднять паруса для большей манёвренности и подготовке к атаке – но этот ход только сильнее подставил жирное судёнышко под удар!

С десяток ядер тотчас налетело на правый борт галеона, нехило ударив по его высокой деревянной стене, за которой прятались горделивые виллионцы – но на этом Уолтер останавливаться не хотел: "Огонь не прекращать! Пли!" — кричал он во всё горло. И пока галеон еле-еле вставал на нужную для атаки сторону, эта самая сторона уже вовсю обстреливалась фрегатом. Пушкари же не могли понять – да и не особо заморачивались над этим, – почему после первого залпа дым от пороха так быстро рассеивался, а всему виной был бьющий ключом войдерум Уолтера, что своей стихией разгонял белые клубы мешающего прицеливанию газа, – так капитан содействовал успешной атаке!

В один момент галеон совсем остановился, а из подзорной трубы на его верхней палубе было заметно дикое копошение. "Победа!" — воскликнули моряки, потому как, наконец, вражина получила своё! Осталось только взять их капитана в плен, а хондруферцы уже представляли, как встретят его, держащего белый флаг и молящего не убивать – вот только Уолтер был совсем другого мнения.

— Мы ещё не победили! — закричал он команде, что быстро сбросила спесь.

— Но почему, капитан? — спросил квартирмейстер, пока пытался отдышаться от волнения. — Они ведь у нас прямо в руках!

— Они не подняли белый флаг, к тому же на верхней палубе их галеона не прекратились волнения – что-то не так. — не отрывая подозрительного взгляда от галеона, сказал Уолтер, после чего встал за штурвал и махнул экипажу, указывая то на мачты, то на якорь. — Подни-

¹¹ Канатный стопор на парусном судне – это устройство, фиксирующее канаты. Сам стопор может быть выполнен из такого же каната или металлической цепи.

май якорь, гроты спустить! Спасайте раненых и заряжайте пушки по правому борту – навестим их капитана с гостинцами! — отдал приказы криком Уол, после чего попросил старпома подготовить команду, чтобы парни не расслаблялись.

— Пушки заряжай, точи лезвия – готовиться к бою! Возьмём галеон на abordаж! — эти слова раззадорили экипаж, так как команде больше всего хотелось как раз подраться с врагом лицом к лицу, отчего никто даже не обратил внимания на потери.

И пока экипаж фрегата всюду тянулся к битве, Уолтер всё пытался понять, что же происходит сейчас на палубе виллионцев:

"Единственное, на что я мог надеяться тогда, – так это на подготовку своих моряков: если уж враг строит засаду, то лучше быть во всеоружии."

Когда фрегат приблизился к галеону и поднял свои паруса, сверху, на палубе гиганта, послышались лязги металла и выстрел пушек – самый неожиданный вариант развития событий из всех, что только мог себе представить Уолтер. Неужели хондруферцам пришла подмога? Неужели Сэм узнал о задании друга и решил помочь, взяв под своё командование какого-то капитана из флота? Однако же, когда Уолтер с командой, прижавшись на фрегате к галеону с правого борта, поднялась на палубу, сложилась совершенно неоднозначная картина.

Виллионцы в зелёных кителях и чёрных брюках с явным недовесом сил пытались противостать появившемуся так не вовремя одетым в какое нашли тряпье пиратам, что взяли побитый хондруферцами корабль на abordаж. Крупный усатый ферамх в синей треуголке сыпал проклятиями и провокациями на разношёрстных пиратов, дабы те атаковали только его и отвлеклись от изнурённых и раненых моряков. А капитан пиратов в фиолетовом камзоле и чёрной широкополой шляпе из кожи намеренно обращал свой клинок против слабых и неопытных, заставляя ряды виллионцев редеть.

Для хондруферцев идеальным решением было бы уйти и оставить двух врагов грызть друг друга глотки – но в глазах Уолтера один противник особенно выделялся в этом поле битвы, посему тотчас из его уст послышался приказ: "Убейте пиратов – остальных не трогать!" А сражавшийся виллионский капитан услышал эти слова и грохочущим голосом посмеялся: "Га-ха! Слышали, оборванцы?! Вас никто не любит – не удивлюсь, если вас и мамочка из дому выгнала!" — кричал он наступающим волнам пиратов, что в ярости теряли защиту в своей стойке и открывались для смертельных ударов опытного вояки.

Тогда моряки хондруферского фрегата набежали на палубу галеона, став чёрной тучей для пиратов, ожидающих, что их оставят доедать добычу. И не успел Уолтер вступить в бой с первым врагом, как на него налетела девушка-ферамх с рыжими локонами до подбородка и крайне необычной бронёй из толстых костяных пластин, поверхность которых была испещрена тысячами белых крохотных игл.

— Каликса, они со всех сторон налетают! — крикнула она звонким голосом, а в глазах читалась запутанность.

— Нет-нет-нет, не делаем так! — пропищал с акцентом невиданный ранее Уолтеру ушастый зверь, похожий на обесцвеченную лису с неприлично большими ушами и... умением говорить и ходить на двух лапах – видимо, её женщина и назвала "Каликсой".

— Ты ещё кто?! — не успел сказать Уолтер, как на него пришёлся дюжий удар тупого костяного топора такого размера, что Уолу оставалось только гадать, как такой машиной можно сражаться. — Кого ещё сюда принесёт... — прошипел через силу Уолтер, еле успев закрыться от удара шпагой, что чуть было не треснула.

Ещё бы пару ударов, и Уолтеру было бы нечем защищаться от этой странной девушки, и, благо, её сумел остановить капитан галеона.

— Эй, пассажир! Кто не в форме – тот пират! Оставь мальчугана в покое или прячься со своим хорьком в нижней палубе! — кричал он, попутно сбросив локтем пирата за борт.

Тогда спутанность в глазах странной девушки спала, а её выражение лица говорило сначала об испуге, а потом медленно переходило от осознания ошибки к раскаянию и стыду.

"Есть такие как Арабелла – уверенные, но мягкие девушки. И в тот день я узнал, что есть и ещё один тип женщин – неорганизованные, глупые, но настолько сильные, что радуешься, когда они оказываются на твоей стороне. Ибо эта рыжая беда вместе со своей зверушкой так слаженно действовали против пиратов, что никакой рядовой их гнусной команды не мог им ничего противопоставить: каждая уязвимость в стойке и шагах в бою компенсировалась поддержкой с обеих сторон, а войдерум девушки, позволяющий менять форму костей как вздумается, вкупе с ловкостью её питомца, превращали поле боя вокруг в их личную зону доминанции. И хоть они прекрасно могли взять на себя пару-тройку врагов одновременно, капитан пиратов умудрялся быстрее вырезать слабых, чтобы обратить численное преимущество в его сторону. Тогда, окружённый шумом взрывов, криков, ругательств и проклятий, я решил взять на себя этого мерзавца, чтобы сломать его тактику боя и всякие амбиции."

Каждый на этом судне сражался из всех сил, а верхняя палуба галеона наполнилась обилием крови, пороха и пота. Ветер усилился и иссекал шрамы Уолтера, заставляя их покалывать всё сильнее с каждым убитым пиратом на пути к капитану. Один натиск врага – одно парирование и удар от Уолтера. Никакие нападки рядовых пиратов не могли достичь цели, и "грязные гниды" падали замертво после жестоких, наказывающих за дерзость контрударов.

— Ты не оставляешь мне выбора, морячок. — сказал вытянутый капитан в фиолетовом дырявом камзоле, раскрутив в руке саблю, вызывая тем самым врага на дуэль.

— Ещё бы его давать таким как ты. — грубо отрезал Уолтер. — Попробую на тебе пару новых приёмов – твой выбор согласиться, понял? — слегка улыбнувшись, ответил тем же жестом Уолтер, приняв вызов.

Капитан пиратов стал медленно следить за Уолтером, а тот, будучи максимально уверенным в своих силах и свободным, словно птица в небе, махнул шпагой ещё до того, как сблизиться с врагом. Тогда капитан быстро понял, что Уол готовит какую-то атаку дальнего боя и отшагнул влево, увернувшись от стремительного потока ветра, выпущенного лезвием. "Войдер ветра значит..." — прошептал он, после чего заговорил с Уолтером на странную тему.

— Как поживает твоя ненаглядная? — выдал он внезапно, чем сбил Уолтера с колеи.

— Тебе-то какое дело?! — ответил резко Уолтер и почувствовал, будто его пытаются сжать, направить туда, куда не хочется ему самому, посему сделал ещё один ветряной резак, но тот уже оказался медленнее и меньше.

— Ох! — еле увернулся пират, отпрыгнув в сторону. — Этот тон мне знаком! Она ведь ещё не твоя, так? Пока тебя нет, у неё, может, ухажёр нашёлся побогаче и благороднее? — с ухмылкой продолжил пират, ещё сильнее пачкая желчью самочувствие Уолтера, ибо тот на секунду воспринял слова слишком близко к сердцу.

— Закрой свой рот, крыса! — попытался защититься от психологических нападков Уолтер, после чего тотчас пошла физическая.

— Тише, у крысы пистолет есть! — с уродливой улыбкой сказал пират, быстро достав оружие, но Уолтер был готов к таким случаям и придумал новый приём!

Тайгер вытянул ладонь в манере Арабеллы, чтобы выставить перед собой стену ветра, сильно замедляющую вражеские снаряды! Но к тому моменту энергия войдерума почти иссякла, отчего пуля хоть и замедлилась, но смогла достичь цели. Всему виной стали психологические атаки, противодействующие обретению нужной эмоции для техник стихии ветра – чувству открытости и свободы. Более Уолтер не был окрылён, потому и не был более способен пользоваться в бою энергией войдерума – теперь воспользоваться стихией будет крайне сложно. Но это не беда! Ведь долгое время Уолтеру приходилось служить и без войдерума, посему тот пошёл в решительный натиск, положившись на свой клинок и навыки фехтования! Капитан пиратов еле смог отбить первый и второй удар, а третий и вовсе порезал ему бок. И

когда Уолтер начал его теснить, тот решил со всем покончить. Неудачный взмах саблей Уол тут же пресёк прямым пинком, что сбил пирата с ног, и тот упал навзничь – теперь осталось только добить! Но не успел Уолтер совершить жестокий замах, как между ним и капитаном встал его преданный старпом в лохмотьях: "Мы сдадимся, пощади! Прошу, не убивай его!" — закричал он Уолтеру жалобно, а глаза были на мокром месте. Он закрывал своим телом капитана, будучи готовым принять удар за него.

Тут Уолтер опешил и даже задумался на секунду над тем, чтобы обезвредить их обоих без крови, но эта самая секунда оказалась губительной для старпома, потому как его телом безо всякой жалости и сожаления воспользовался подлый капитан. В тот миг раздался выстрел за его спиной и чавканье плоти, что не сумело остановить пулю, позволив ей с силой врезаться в грудь Уолтера. Старпом упал с выражением непонимания, печали и обиды, а Уол от резкой пронзительной боли схватился за грудь и злобно прошипел поднимающемуся с ног капитану:

— Мерзавец! — все остатки своих сил Уолтер пытался использовать, чтобы не выронить из руки шпагу, а единственный глаз смотрел на выпрямившегося капитана исподлобья. — Он был готов отдать жизнь...

— Да? — раскрыл широко пират глаза, после чего на пару секунд умолк, а потом залился смехом. — Ха-ха-ха-ха! Он и отдал! Ха-ха-ха! Как и те идиоты, которых я отправил напасть на галеон в первую очередь! — слегка успокоился пират, а Уолтер преисполнился большей ненавистью, ибо понял, что этот человек – предводитель шайки. — Чем меньше голов, тем меньше придётся делить золото, и тем больше мне достанется – простая математика, морячок.

После этих слов пират наставил пистолет к голове Уолтера – теперь и никто не сможет сейчас спасти его от пули, потому как член каждого из экипажей вёл сражение как минимум с одним врагом, поэтому перед лицом опасности придётся принимать холодный взгляд смерти самому. С коротким треском курок пистолета был спущен, а сил у Уолтера так и не прибавилось – неужели после этого задания не увидать ни Арабеллы, ни Сэма? Неужели тело хондруферского капитана истечёт кровью на чужом корабле в туманном Калигийском море, далеко от милого Синороса?

— Эй. — с улыбкой позвал Уолтер, сильнее схватившись за рукоять шпаги. — Я ведь тебе так и не ответил.

— Говори, морячок. Пуля тебе ответит чуть позже! — старался доминировать пират, акцентируя в ситуации на том, что именно он решает судьбу Уолтера.

— Моя ненаглядная... поживает лучше всех, а ещё она сделает всё, чтобы мой фрегат прозвали "Знаменосец", ха-ха! — медленно и с большим удовольствием произнёс Уолтер, пытаясь тянуть время. — Она встанет на борт Знаменосца, и мы отправимся в путешествие по всему Ховаку. — то ли в бреду от кровопотери, то ли намеренно желая смутить пирата, выдал Уол личные желания. — А знамя и флаг Хондруфера будут красиво реять на ветру. — после этих слов Уолтер не мог сдерживать улыбки и ощутил всю красоту и собственную свободу своей фантазии – то было намеренным действием Уола по придаче себе энергии вайдерума!

Только тогда пират заметил слабые прохладные потоки воздуха вокруг своей руки. "Ах ты!" — осознал всё пират, и нажал на спусковой крючок! И казалось, что пистолет определит исход сражения, – но нет! Ибо те потоки воздуха вмиг ускорились и раскрутились так быстро, что изрезали запястье, держащее пистолет! Рука тотчас уронила огнестрельное оружие, и то не успело выстрелить, а капитан закричал от боли, схожей со жгучей раной от десятка ударов плетью. Уолтер не обратил никакого внимания на болезненный вой противника, посему встал над ним и выбил из руки саблю, после чего приставил острие шпаги к шее мерзавца.

— Я сдаюсь, сдаюсь! — закричал капитан. — Не убивай меня, прошу, не убивай! — после этих слов большая часть пиратов сложила оружие, и все обратили внимание на суд Уолтера над капитаном – битва окончена!

— Ты убил своего старпома? — громко спросил Уолтер, чтобы все на корабле слышали, но капитан только с ужасом выли и дрожащей рукой медленно тянулся к спине. — Говори! — надавил Уолтер ещё громче.

— Я! — быстро дал он ответ.

— Ты, подлец, отправил на гибель свои корабли? — после этого все пираты поголовно сдались и внимательно слушали, что ответит капитан.

— Не убивай меня, добрый господин!

— Говори, подлец, иначе укорочу тебя на голову! — надавил сильнее острие шпаги Уолтер, отчего на месте укола побежала кровь.

— Честный господин, прошу, не убивай! Тасим свидетель — я брошу пиратство! Не убивай! — со слезами на глазах молил пират, не желая признавать свою вину.

Тогда Уолтер решил более не слушать капитана и сделал замах, чтобы отсечь голову, а пират, заметив это, скорее дотянулся до пистолета, что прятал за спиной, и с криком: "Умри!" вытащил его. Ещё секунда, и Уолтеру придёт конец!

Глаза закрыты. Брызги крови, обогрившие маленькими каплями лицо. Шрам больше не болит. Глаза не откроются. Уолтер Р. Тайгер отделил голову от плеч... предводителя пиратской шайки! Уолтер оказался быстрее, ибо изначально ожидал такого исхода: "Знаю я, как вы сдаётесь..." — надменно бросил он напоследок обезглавленному телу, что грохнулось наземь и обогрело палубу алыми брызгами.

Капитан хондруферцев сделал быстрый взмах, и кровь слетела с острия шпаги, после чего оружие вернулось в ножны — Уолтер Р. Тайгер и экипаж будущего Знаменосца одержали победу!

Команда ликовала, странная женщина со зверем и гигантским топором прямо на палубе расстелили скатерть и разложили невиданные хондруферцам фрукты и мясо, а виллионцы привязывали к фальшборту пленников по приказу их усатого капитана и Уолтера, что хотел разобратся с ними по-особенному.

"Немного поговорив с капитаном, я узнал, что зовут его "капитан Жироус" на галеоне "Басторпеда". Мужчина этот был сильным и непробиваемым оптимистом, с которым, благо, легко было договориться. Он не жаловал пиратов и не отказался наказать их по всей строгости, и, забыв о вражде наших империй, мы объединили усилия вновь."

Уолтер и Жироус приказали своим стрелкам выстроиться в ряд напротив привязанных пиратов, что лишились возможности бросить что-нибудь из своих опутанных рук или даже помолиться. По императорским законам их должны были отправить гнить в темнице, а казнь безоружных — хоть и пиратов — совсем не радовала хондруферцев.

Уолтер не стал стоять в стороне и смотреть, как его моряки неохотно пачкают за него руки, посему он подошёл к одному из стрелков, взял у того ружьё, а затем и вовсе приказал своим людям отойти. Тогда Уолтер самолично застреливал одного пирата за другим прямо у них на глазах, после чего Уол сам же и сбрасывал их трупы в море, не требуя ни у кого из своих людей помощи, а потом кричал следующим пиратам выстроиться на собственную казнь с таким безразличием, словно приказывал почистить сапоги. На каждого пирата приходился один меткий выстрел, и после следующий человек на убой с дрожью в ногах и крупными каплями пота на лице наблюдал, как Уолтер безмятежно перезаряжал ружьё, а после — смерть. И так круг за кругом, пока третий десяток из самых ослабленных и напуганных пиратов не встал на место, где полминуты назад застрелили их товарищей — таков исход бесславной жизни морского разбойника. Однако в один момент, когда остался всего один пират, Уолтер решил не стрелять — лишь он оказался счастливым, не получившим пулю. Вокруг него без сил и в крови смешанной с потом лежали замертво товарищи, а всё что их теперь держало — путы верёвок. Этот молодой пират с грязными волосами остался в живых; он нервно бегал глазами по тру-

пам своих мёртвых друзей и знакомых и благодарил шёпотом всех, каких вспомнил, богов за второй шанс.

Хондруферцы и виллионцы не могли понять, для чего Уолтер решил помиловать именно его, а капитан Жироус лишь внимательно наблюдал. Тогда Уол подошёл к счастливцу поближе, наставил острое шпаги к горлу и заговорил с перепуганным мальчуганом:

— Бери шлюпку и плыви в любое береговое братство – там расскажешь об Уолтере Р. Тайгере – человеку из Синороса, который без суда казнит пиратов, какими бы они прославленными не были.

— Сделаю всё, кэп! — попытался он успокоить Уолтера смирением, но это только сильнее разозлило.

— Молись Тасиму, чтоб ты меня больше не видел! — оскалил зубы Уолтер, надавив чуть сильнее острием шпаги на шею.

— Хорошо, хорошо! — сломавшимся голосом напугано выдал он с выступившим потом на лбу, словно в его шею вцепился когтистый зверь, от настроения которого зависит, пронзит он её или нет. — А к-какое у вас звание-то? — еле решился спросить паренёк, чтобы тот сумел рассказать пиратам хотя бы ранг – и тут-то Уолтер решил приврать для лучшего эффекта.

— Адмирал! — с ухмылкой произнёс он, потому как не умел врать. — Пускай твои знакомые и незнакомые пираты боятся нового хондруферского адмирала, так как старые пойдут за ним – топить ваши корабли и крушить береговые братства.

После же, как Уолтер и сказал, парню была отдана шлюпка, и тот разнёс молву о хондруферском звере с исполосованным лицом, на котором единственный глаз прожигает взглядом душу и видит все слабые места жертвы, а клинок его – лапа чудовища, разрывающая плоть, как ломоть хлеба. Так родился Синоросский Тигр, имя которого пираты почти не произносят вслух, чтобы не накликать беду и не стать жертвой хондруферского безжалостного зверя. А что же касается виллионцев...

"Благо, что бортжурналы никто не читает, кроме их хозяев, и обо всём моряки докладывают устно, ибо то, что произошло после, совершенно противозаконно как в Хондруфере, так и в Виллионе."

Когда суд над пиратами закончился, пришла пора разбираться с виллионцами, и первый шаг сделал капитан Басторпеды:

— Хорошая вышла драка! — разглядывая корабли, сказал Жироус. — Не с пиратами, разумеется, – с вами! Давно моя красавица не встречала в баталии хороших капитанов – я так тебе скажу! — после этих слов он успокоился и с улыбкой сложил руки на пояс, словно пережил лучший момент своей жизни.

— Жироус, так ведь? — задумчиво спросил Уолтер, отчего капитан слегка опешил.

— Хе-хе. — выдал смешок Жироус, чтобы было время подумать над тем, что в голове у Уолтера. — Да, я! А Жиробород тебе знаком? Он мой брат-близнец.

— Боюсь, что нет. — слегка удивился Уолтер, что существуют такие клички, после чего вернулся к своей мысли. — Вам не показалась эта засада пиратов странной?

— О да. А ты, я смотрю, глазастый. Ха-ха! — резко стал куда серьезнее Жироус – но не слишком. — В последний раз мы вставали на причал только в Виллионе, и, клянусь имперской короной, если эти пиратские гадёныши в самом деле случайно нас нашли, – выстрелю собой из пушки в открытый океан!

— И я так думаю... — не мог порадоваться в полной мере Уолтер тому, что Жироус понял его догадки, потому как высокая вероятность того, что она окажется верной, заставляла насторожиться. — Но этого мало. — собрался добавить Уолтер, когда додумался ещё о кое-чем. — Даже если враг знал, что ваш корабль будет здесь, вряд ли решился бы напасть.

— А вот сейчас не понял. — перебил Жироус, не прикрывая своё недопонимание.

— Я к тому, что пираты наверняка знали и о моём маршруте, раз решились отправиться сюда – иначе это было бы просто-напросто самоубийством. Они наверняка хотели, чтобы мы перегрызли друг другу глотки, чтобы напасть на ослабленный экипаж. — после этих слов всё в голове Жироуса прояснилось, и тот бегал глазами влево-вправо, пытаясь уложить все факты в единую картину.

— Вот дажвоги... — осознал всё Жироус, после чего поднял взгляд и раскрыл широко глаза. — Тогда в Виллионе и хондруферской штаб-квартире завелись крысы. Быть не может, предатели!

После этого Жироус так разозлился, что начал ходить вперёд-назад, словно выискивая мерзавца. А Уолтер пытался вспомнить всех, кто знал о его маршруте, и всплыла память лишь о вице-адмирале по имени Фернан, коему в штаб-квартире пришлось отчитаться о цели отплытия. И не успел Уолтер развить эту мысль, как Жироус выкрикнул бодро:

— Ох-о! Ты только глянь! — обратил внезапно внимание Жироус на свою фок-мачту, что готова была в любой момент развалиться. — Как у нас говорят: "Корабль без мачты – пизда"!

— Капитан, правильно: "Корабль без мачты – что без мыла прачка¹²" — поправил проходивший мимо виллионский квартирмейстер, постоянно что-то записывающий в журнал.

— А я что сказал? — после этих слов Уолтер чуть расслабился и улыбнулся. — В общем, хороший ты человек... — не мог назвать имя Жироус, так как и не знал его вовсе. — Очень хороший. Какой нам толк кого-то брать в плен или вовсе топить, а? — задорно предложил он разойтись и даже признал поражение, но Уолтер не мог согласиться.

— Я бы и рад, Жироус, да только у меня есть долг перед Хондруфером, поэтому просто отпустить вас не смогу. — от этих слов Жироус совсем опечалился и уже было подумал, что друзьями им не бывать, но Уолтер был одарён находчивостью. — Но не думайте, что это разделит нас врагами – нет. В знак победы над вами мне будет достаточно дорогой на вид шпаги или сабли: показать её адмиралтейству – и все проблемы будут решены.

— Ох-о! Всего-то! — вновь повеселел Жироус. — Да у меня этих мечей как гвоздей!

— Я бы ещё хотел спросить... — продолжил Уолтер, а обрадовавшийся Жироус был только рад помочь.

— Говори, не стесняйся!

— Что это за женщина вообще? — чуть нахмурившись, кивнул он головой в сторону ферамха, что жадно поедала огромные куски мяса вместе со зверьком.

— Ох-о... — нахмурился капитан и тяжело выдохнул. — Ряженный пиздец. — выпалил он резко, хотя Уолтер не слишком удивился, ибо примерно такого описания и ожидал. — Мы согласились доставить её кое-куда из новых колоний в Аргодове за круглую сумму, а она в первый же день половину трюма съела, храпит как медведь, так ещё и совсем не знает, как с людьми разговаривать – один Тасим знает, в каких дебрях эта зверюга жила, откуда у неё так много золота и что так воняет в её мешке. Но я точно знаю вот что – эта девка, если судить по шрамам, такие сражения пережила в своей жизни, что нам с тобой остаётся только молчать, когда она говорит. Хотел бы и я сам узнать, Уолтер, что это за человек, но давай вернёмся к нашим баранам!

"Совсем не думал, что получу от него такой подробный ответ, а когда я согласился вернуться к делу, невольно продолжал думать об этой женщине, потому как Жироус навёл лишь на большие вопросы. Жаль, что так и не нашёл момента с ней поговорить и узнать получше, а может быть, оно и к лучшему. Как бы сказала Арабелла или Роб: "Разные моря – разные течения"¹³"

¹² "Корабль без мачты – что без мыла прачка" – ферамхская моряцкая поговорка, использующаяся для обозначения чего-то крайне важного для действия или объекта – или же, когда говорится напрямую о корабле.

¹³ "Разные моря – разные течения" – аскарийская поговорка, означающая, что разные люди идут по разному жизненному пути.

После этого Жироус пригласил Уолтера в каюту капитана, где тот хранил боевые трофеи – там-то из десятков разнообразных сабель и шпаг ему приглянулся меч с украшенной золотой рукоятью и особенным лезвием, выполненным целиком из блестящего серебра.

— Откуда ты достал этот меч? — поинтересовался Уол, открыв стеклянную витрину и достав оттуда оружие, лежащее на мягкой красной подушке. — Впервые такое вижу. — водил большим пальцем по лезвию Уол, отчётливо видя собственное отражение.

— А у тебя глаз намётан, я погляжу, — и нихуя плохого, что он один! Ох-о! — захохотал Жироус, заставив Уолтера улыбнуться. — Этого лёгкого красавца я достал от одного пирата-войдера света. Надо сказать, он им мастерски владел: своим войдерумом он заставлял свет на лезвии отражаться таким образом, чтобы оно было полностью невидимым. Страшное это дело — с таким сражаться! Только по рукояти понимал, куда гад ударит.

Тогда Уолтера осенило, так как он очень часто использовал свой войдерум на предметах, так почему бы не найти для себя идеальное оружие-катализатор?

— Я покажу его адмиралтейству, заодно попрошу сделать что-нибудь подобное для себя! — с улыбкой на лице сказал Уолтер, представляя, как орудует каким-нибудь катализатором.

— По рукам — он твой! — задорно ответил Жироус, протянув руку, а Уолтер крепко пожал её, после чего ферамх не стал разжимать, дабы сказать ещё кое-что. — Ты сильный и честный человек, Уолтер Р. Тайгер, я и экипаж Басторпеды этого не забудем. — улыбнувшись и дружелюбно глядя Уолтеру в глаз, сказал Жироус, после чего отпустил руку.

— Если снова свидимся в море, не думай, что буду жалеть твою красавицу!

— А то! Ох-о!

После этого прощания Уолтер вернулся на борт фрегата и захватил с собой меч виллионцев для адмиралтейства и фиолетовый камзол для Педро Хокинса. Внутри команды Уолтера назревало недовольство, но никто не дерзнул высказать его, так как оглушительная победа в бою против галеона, а потом и пиратов, доказала безупречное мастерство капитана.

По возвращению в Синорос, команда радовалась ступить вновь на землю. А Уолтера уже ждала Арабелла с вестями, и лик её был таким приветливым, что Уолу оставалось только догадываться, что её так порадовало, ибо сделка с Хокинсом была откровенно невыгодной. Чуть позже Арабелла рассказала побольше о Педро, и оказалось, что втайне от императора он выкупает земли плантаторов и освобождает тамошних рабов — а дело это хоть и благородно, но крайне неблагодарно и отнимает много времени и сил, потому на Марко редко получается уделить внимания.

"Тогда она сказала то, что раскрыло мне глаза на её радость встречи со мной: "Вы сделали жизнь этого мальчика немного ярче своей несуразной выходкой. Пожалуй, эта награда оказалась лучше, чем золото или влияние. И спасибо вам, что напомнили о том, как дорога улыбка ребёнка, будь он простолюдин или аристократ." А ведь мне всего-то хотелось, чтобы паренёк не грустил. Как приятно всё-таки!"

В адмиралтействе за победу над капитаном Басторпеды Уолтеру вручили на треуголку особую медаль, выполненную из сияющего циркона и шёлковой белоснежной ленты под ней. То было знаком заслуги перед империей и выдающегося мастерства носителя — настоящий символ страха врагов и зависти союзников.

Через месяц Арабелла и Педро сумели выполнить свою часть сделки, и на корме фрегата Уолтера красовалось имя Знаменосец. И как только Марко узнал об этом, тут же помчался в дом Уотсонов, чтобы Уолтер показал свой могучий корабль. Тот поднял паренька, посадил себе на шею и повёл вместе с Арабеллой в порт, где, покачиваясь на волнах, стоял на якоре этот двухпалубный красавец, что вблизи выглядел ещё больше; раскрашенный в тёмно-синий цвет бортов с оранжевым обрамлением, фальшбортом и мачтами, держащими на своих реях белоснежные паруса так высоко, что казалось, оттуда можно будет дотронуться до Сэн, не успевающего ещё уйти в закат. А на самой высокой точке корабля держался на канатах реющий на

умеренном ветру флаг Хондруфера и его знамя с белым вороном, кричащим вперёд восемью оранжевыми звёздами. Ещё не один десяток плаваний Знаменосец пройдёт гордо и выстоит в морских боях под командованием Уолтера Р. Тайгера!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.